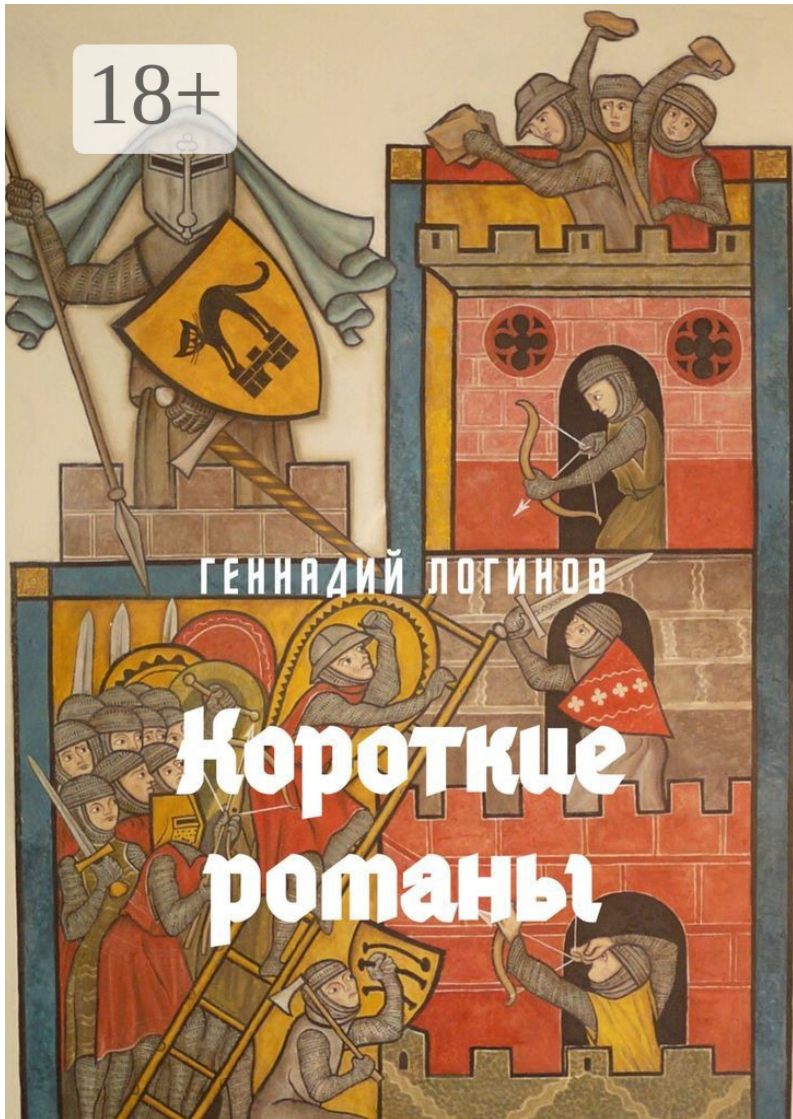

18+

ГЕННАДИЙ ЛОГИНОВ

Короткие романы

Геннадий Логинов

Короткие романы

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=38838468

ISBN 9785449360229

Аннотация

Представленная подборка романов пестрит разнообразием: неосюрреализм, историческая проза, научная фантастика и нечто находящееся на стыке всего перечисленного. Но, независимо от выдержанной стилистики, места и времени действия, каждый из них неизбежно затрагивает вечные вопросы, на которые автор предлагает свои ответы.

Содержание

Гиперкубическая симфония, или дым без огня	5
Глава 1: Дым без огня	5
Глава 2: Во мраке шкафа	9
Глава 3: Карточный долг	12
Глава 4: Рыбий крик	19
Глава 5: Бесконечный ход	20
Глава 6: Силачки	22
Глава 7: Старый автобус	26
Глава 8: Дом на луне	28
Глава 9: Частный детектив	29
Глава 10: Неудержимая предметность	33
Глава 11: Аквилон	34
Глава 12: Клуб фантастов	44
Глава 13: Нечеловеческий труд	52
Глава 14: Кубореалист	91
Глава 15: Пень-колода	98
Глава 16: Гиперкубическая симфония	104
Больно не будет	108
Глава I, Повествующая о зубах и нравах	108
Конец ознакомительного фрагмента.	150

Короткие романы

Геннадий Логинов

© Геннадий Логинов, 2020

ISBN 978-5-4493-6022-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Гиперкубическая симфония, или дым без огня

Глава 1: Дым без огня

*Литература — это высоко
символизированная действительность, совсем
особая система ассоциаций.
Борис Стругацкий*

Где-то на периферии берегов сознания, там, где волны абстрактного мышления приносят на сушу образы из моря ассоциаций, находилась настоящая свалка идей: больших и малых, старых и новых, оригинальных и избитых. Были здесь и неясные контуры, огрызки несформировавшихся образов. И некогда придуманные, но вскоре забытые персонажи, для которых не нашлось подходящих историй. Рассказы, оборвавшиеся на полуслове и заброшенные в долгий ящик. Недописанные романы. Смутные и безобразные создания, порождённые авторской фантазией. Многие из них влачили здесь своё безрадостное существование, уже не надеясь ни на что. Хотя иной раз кто-то из кадавров вдруг оживал, преображался новыми красками и обретал вторую жизнь. Но таких счастливиц было сравнительно немного.

И вот однажды – море вынесло на берег огромное яйцо. Оно напоминало страусиное, но было размерами со слона. Никто не стал собираться вокруг него шумной толпой или уделять ему особое внимание – подобные вещи происходили здесь сплошь и рядом.

Тем не менее изнутри кто-то постучал: сначала – деликатно, затем – уже настойчивее. Но и этот факт был оставлен всеми без внимания. Так и не дождавшись тёплого приёма, некто пробил в скорлупе отверстие тяжёлым набалдашником трости, исполненным в виде кулака из слоновой кости.

Когда скорлупа осыпалась, – под ней оказался молодой джентльмен в цилиндре и с моноклем, взгляд которого был полон волнительного напряжения. Как следует отряхнувшись, он сделал несколько шагов вперёд и, приподняв цилиндр, кивком поздоровался с местными обитателями. Те вновь проигнорировали произошедшее.

Не тратя более времени, джентльмен зашагал вперёд, на минуточку остановившись возле дорожного указателя, стрелки которого красноречиво указывали «Туда» и «Сюда». Недолго думая, путешественник устремился «Туда» – и был таков.

Безусловно, он должен был найти ту историю, в которой он был бы к месту. А это вопрос лотереи. Иногда сознание автора может породить причудливый образ, описание или персонажа, и затем не знать, куда его приткнуть. А время-то идёт, шансов остаётся всё меньше.

Конечно, истории так или иначе могут быть кем-то прочитаны и изучены. Но дело не в этом. Думать, что всякий писатель сочиняет что-то специально для читателя, – такое же предубеждение, как думать, что кот всенепременно существует исключительно для ловли мышей.

Споткнувшись о громоздкое предложение в предыдущем абзаце, человек едва не выронил цилиндр и монокль. Проще нужно писать, проще. Хотя для разнообразия не помешает чередовать предложения разного объёма. Наверное.

Что ж, какие здесь могут быть ориентиры? Имея какую-то цель, пусть даже и временную, мобилизовать силы проще. Где-то вдалеке за горами, лесами и городами виден дым. Вулкан? Пожар? Сожжение ведьм? Или кто-то решил приготовить барбекю?

Конечно, согласно пословице, дыма без огня не бывает. Но это если подходить аллегорически. Так-то и на двух стульях можно усидеться, и много чего ещё. Попробуйте как-нибудь добыть огонь трением: можно получить очень много дыма, не получив при этом огня.

Ладно, идём в сторону дыма. Цель как цель, не лучше и не хуже всякой другой. Во всяком случае – там что-то происходит...

...Пройдя некоторое время вдоль по железной дороге, человек в цилиндре обнаружил шкаф. Внимательным образом осмотрев его со всех сторон и для верности постучав по нему тростью, он пожал плечами и распахнул дверцы.

В ответ на него взглянула зияющая глубина мрачного внутришкафья. Не тратя времени, он решительно шагнул вперёд, навстречу первой истории.

Глава 2: Во мраке шкафа

Никто не сможет вас запугать, если вы не захотите пугаться.

Махатма Ганди

В неприметном углу детской спальни, во мраке старинного шкафа, обитала некая сущность. Она питалась детскими тревогами и страхами и всячески поощряла их, создавая среди ночи скрип, скрежет и вой, насылая кошмары и даже свержая ребёнка в состояние сонного паралича.

Сущности, подобные ей, заводились, словно плесень, размножаясь и процветая на худших чертах человеческих натур: будь то страх, гнев, ненависть, зависть, похоть и другие. Чем выше была всеядность подобной мерзости – тем лучше она приспособливалась и паразитировала, по мере накопления сил обретая всю большую власть над людьми и, соответственно, поощряя их к тому, что вновь вызывало в них низменные чувства. Получался замкнутый круг.

Но в случае с ребёнком бука (а называли её именно так) имела не такой богатый арсенал воздействия, как со взрослыми особями человека, – что, впрочем, с лихвой компенсировалось интенсивностью детских страхов и силой детского воображения.

И вот однажды малыш позвал родителей:

– Мама, папа! В шкафу кто-то есть!

– Успокойся, маленький... Успокойся, сладенький... Тебе просто приснилось. Это так кажется... – убаюкивала мама, поглаживая крошку по голове. Отец поспешил открыть шкаф, чтобы поскорее развеять его страхи. Он распахнул скрипучие дверцы, и в этот миг навстречу ему, продираясь сквозь заросли развешанной одежды, пробился человек с тростью, в цилиндре и с моноклем.

Отряхиваясь от пыли и паутины, он закричал, а вскоре ударом пальца сбросил со своего плеча паука. Женщина подняла крик; ребёнок начал называть пришедшего «букой» и бояться, что он его съест; отец семейства, поначалу было растерявшийся, вскоре пошёл на незванного гостя с кулаками, и тому пришлось обороняться тростью.

– Да прекратите же вы, в конце-то концов! – возмущившись, с обидой и возмущением воскликнул гость, стараясь ненароком не задеть хозяина. – Никакой я вам не бука! Была тут одна в шкафу, ну так я и огрел тростью – и всё, буки и след простыл!

Тем не менее, это не успокоило обитателей дома, и вместо заслуженной благодарности они продолжали голосить, всячески стараясь выдворить незнакомца взащей и страшая всевозможными карами. Понимая, что в этой истории он явно лишний, человек в цилиндре поспешил удалиться прочь. Пробившись до входной двери, он вышел на улицу и побрёл.

Моросил лёгкий дождик. Завывающий ветер покачивал деревья, то и дело заставляя человека с моноклем хвататься

за свой цилиндр. Трость и туфли шлёпали по лужам. Сверкали молнии, громыхали раскаты.

– Подумаешь, – стараясь скрыть обиду, ворчал путник. – Нет уж, здесь мне явно не рады. Да и я тут ни к селу ни к городу. Но ничего. Мало ли на свете историй? Да и ребёнок больше не будет бояться буки. Наверное. Теперь он будет бояться меня. Но всё ж лучше, чем буку. Наверное.

Миновав заросли деревьев, на которых росли ягоды, напоминавшие землянику, стол, под которым сидел лев, и бюст Паллады, на котором расположился ворон, скиталец направился в сторону карточного города, вдоль улиц которого возвышались карточные домики.

Глава 3: Карточный долг

Покер – это клёво. В один вечер можно достичь верха счастья или несчастья, всё очень быстро. Важны не плохие или хорошие карты, важно уметь играть плохими. Важно не то, какие у тебя карты на самом деле, а то, какие они по мнению противника.
Бернар Вербер

Поздними вечерами одинокий валет любил выходить на прогулку, прихватив с собой алебарду. Подворотни были небезопасны. Любого одинокого путника, будь то даже сам король, вполне могли побить. И на короля найдётся свой туз или джокер. Сегодня ты кого-то побьёшь, а завтра тебя. Смотря чья масть вышла, что в козыре, какими силами ты располагаешь.

Валет легко заводил приятелей, но любил и ценил уединённость и покой. Он жил в карточном домике, который кишел червями, потому что находился на «Улице червей». Но это было намного лучше, чем дома на «Улице пик», в большей степени напоминавшие валету оружейные склады, где нельзя ступить буквально и шагу, не напоровшись ненароком на шпагу или на какую-нибудь пику.

Прогуливаясь, валет напевал:

А все обитатели карточной колоды на время бросали свои

дела и провожали певца взглядами, в которых читались то теплота, то зависть, но не было равнодушия. Впрочем, вскоре все снова возвращались к своим делам, да и у валета было не так-то и много свободного времени. В силу карточного долга он то и дело участвовал в битвах в военное время, а в мирное – принимал участие в пасьянсах. Политика – это дело такое: жизнь тасует и так и сяк, одни поднимаются со дна колоды наверх, другие оказываются внизу – и заранее не всегда угадаешь, как оно выйдет.

Злые языки называли валета дураком. А некоторые ещё и утверждали, что его подкинули родителям. В своё время его переводили с другими валетами с места на место по долгу службы, пока жизнь не обрела некую стабильность.

Когда-то он был главным героем небольшого рассказа об азартном игроке, спустившем всё состояние на карты, но не нашедшего в себе силы пустить пулю в лоб. Несчастный угодил в долговую яму, из которой не мог выбраться, и однажды уснул, увидев карточный город, и познакомился с валетом, который провёл его через колоду, привив неприязнь не к играм как таковым, но к азартным играм, мистицизму в игре и сотворению кумира из карт.

Да, то было хорошее время. Но теперь история была рассказана и валет просто коротал свои дни, работая карточным архитектором. Он был героем небольшого рассказа в прошлом, но, как и многие, втайне надеялся на что-то большее. По крайней мере, – на роман.

И вот однажды, гуляя по улицам города, он со скучающим видом выполнял свои повседневные обязанности. В основном он находил карты, которые стояли криво, и поправлял их, чтобы домики не рассыпались. И всё было хорошо до тех пор, пока в город не влетел подозрительный тип в цилиндре и с моноклем.

Незнакомец заметно контрастировал с окружением. Его присутствие было столь же уместно, как появление слона в чайной лавке. В какой неопиcуемый ужас это привело местных жителей! А впрочем, всё произошло слишком стремительно: незваный гость задел ненароком одну из карт, стоявших в основании карточной башни, и в скором времени она уже пошла под откос. В следующий миг от широко раскинувшегося города, со всеми его угловатыми многоэтажными красотами, осталось лишь воспоминание.

– Нет, Вы только полюбуйтесь, что Вы наделали! Столько сил, столько времени, столько трудов было вложено! Грандиозные расчёты, скрупулёзные вычисления, и всё ради чего? Чтоб возник неизвестно кто и натворил неизвестно что! – с досадой выругался валет.

– Ну, почему же прям «неизвестно кто»? И почему же прям «неизвестно что»? Я, допустим, джентльмен в цилиндре. И я всего лишь имел неосторожность случайно разрушить карточные домики. Право же, это дело поправимое, – невозмутимо заметил странник.

– Ну да, конечно, это в корне меняет дело, – язвительно

проворчал Валет Червей. – Вы хотя бы представляете, сколько сил...

– Да-да, Вы уже об этом сказали. Не нужно спекулировать на моей минутной неосторожности, повторяя из раза в раз одно и то же. Давайте я постараюсь загладить свою вину и помогу повторно отстроить город? – учтиво предложил пришелец.

– Ну уж нет, Вы и без этого натворили достаточно... Хотя, – потеряв подбородок, Валет Червей задумчиво хмыкнул. – Возможно, этому городу и правда необходима была встряска. Теперь я могу в полной мере проявить архитектурные инновации, реализовать смелые задумки, оригинальные решения. Статичность, вот что снедало меня в последнее время...

– Ну вот и прекрасно, – вздохнув, успокоился человек с моноклем.

– Тем не менее, – снова нахмурился Валет Червей, – сам факт того, что даже из дурных обстоятельств можно извлечь какую-то пользу, ещё не отменяет Вашей вины.

– Опять приехали, – сняв цилиндр, мужчина достал из кармана платок и, отерев пот со лба, вздохнул. – Давайте так: Вашим картам необходимо какое-то крепление понадежнее. Цемент, или клей, или какие-нибудь держатели. Я не знаю. Вы можете возводить город из раза в раз, и он снова будет разваливаться, пока не появится что-то подобное.

– Ха! Мнение дилетанта, – отмахнулся Валет Червей. –

Клей... Цемент... Всё это хорошо для кирпичей и коробок. Если бы я был простым ремесленником, то складывал бы зиккураты из бетонных блоков. А это – карты! Это – искусство! Здесь принципиально нельзя использовать никаких цементирующих составов или обычных стройматериалов.

– Что ж, воля Ваша, – не желая продолжать спор, согласился бродяга. – Но что же делать мне? Ведь эта ситуация могла бы стать моей историей. Нашей историей. Если даже и не полновесным романом, то, по крайней мере, повестью или рассказом.

– Не знаю, как насчёт Вас, а меня Вы точно обеспечили романом-эпопеей, – окидывая взглядом окрестности и оценивая масштаб разрушений, уже без злости промолвил Валет Червей. – Но Ваше присутствие здесь явно неуместно...

– Что ж, ещё раз прошу меня извинить, – поспешив откланяться, странник продолжил путь, не теряя надежды найти своё место в художественной литературе.

– В конце концов, это не обязательно должен быть полновесный роман, – размышлял он вслух, когда Валет Червей с его ахами и охами остался далеко позади. – Это может быть и маленький рассказ. Он не обязательно должен быть известным и популярным. Но это будет дом, который я смогу назвать своим. Иначе зачем я существую? Может быть, я и не самый объёмный персонаж. Но и не совсем уж картонный. Может быть, я не проработан детально. Но у меня есть личность, черты и характер. Ведь нельзя же так. Ведь я же

есть. Ну хоть какой, ну хоть плохой. У всех есть своя история, большая или маленькая, плохая или хорошая. А у меня даже имени нет. Я просто вымышленный человек в цилиндре и с моноклем. Нечто среднее между мыслью, и вещью.

От этих мыслей путнику стало грустно, одиноко и обидно. А прямо перед ним тем временем уже выросстал безрадостный и почти безжизненный пейзаж. Какие-то мрачные фигуры без лиц или с перебинтованными лицами, скитающиеся посреди высоких гротескных развалин, остовов некогда монументальных сооружений. Неровный бугристый ландшафт чем-то напоминал морщинистое лицо вредного старика. Игра света и тени лишь усиливала эффект сходства.

Пустыня, наполненная искажёнными телами; свалки из сломанных кукол с обезображенными лицами; скелеты невообразимых форм и размеров; грубые, неровные поверхности. Пока что это место было худшим из тех, что путнику довелось увидеть с тех самых пор, как он проклюнулся сквозь яичную скорлупу. По всей видимости, это было скопление мрачных авторских дум. Подобное притягивается к подобному, и казалось, при таком-то настрое странник не мог забрести куда-то ещё. А углубись он дальше – навсегда увяз бы в мрачных дебрях кошмаров.

Проходя мимо ржавых автомобилей, разбившихся самолётов и поросших адским плющом автобусов, путник остановился у небольшого стола. Вода в графине протухла, в прогнившей еде копошились насекомые, но посреди все-

го этого безобразного натюрморта располагалась небольшая баночка рыбьих консервов.

*Один валет – носил берет:
Берет – хранил его от бед.
И, невзирая на запрет,
Он не снимал его, о нет!
Валет – любитель оперетт,
Их посещал он много лет,
Где обсуждал весь высший свет
Его загадочный обет...*

Глава 4: Рыбий крик

Если хочешь поймать рыбу, – незачем лезть на дерево.

Китайская пословица

Одна маленькая рыбка всегда мечтала покорять необъятные океанские просторы. Но вместо этого она плавала в томатном соусе, теснясь с другими маленькими рыбками в консервной банке. Из-за этого ей хотелось кричать, но её крика никто не слышал, а если бы даже и услышал – до него никому просто не было бы дела.

– Несчастливая рыбка, – вздохнул странник, понимая, что кому-то в этой жизни пришлось значительно хуже, чем ему самому. Как бы там ни было, банка не вздулась, и даже этикетка не выцвела, поэтому он аккуратно взял баночку, отряхнул от пыли и убрал в карман. Решительно развернувшись, он пошёл в противоположном направлении, в сторону кипящего жизнью города, наводившего на мысли о броуновском движении.

Глава 5: Бесконечный ход

Статистика – первая политическая наука! Я познал голову человека, если я знаю, сколько на ней волос!

Карл Маркс

В одном из бесконечного множества городов, на одной из бесконечного множества улиц, в одном из бесконечно-множества домов находилось бесконечное множество этажей. На каждом этаже находилось бесконечное множество квартир, в которых имелось бесконечное множество комнат, а в комнатах проживало бесконечное количество жильцов.

Среди жильцов обитал один человек, у которого было бесконечное множество детей, из-за чего он должен был бесконечно заботиться о том, чтобы прокормить бесконечное количество ртов. Бесконечная армия чиновников облагала своих граждан бесконечными налогами, но вместе с тем размер зарплат и пенсий у населения, к сожалению, был далеко не бесконечен.

Бесконечнодетный отец существовал на скромную зарплату, преподавая математику, теорию вероятности и статистику.

Мужественноликий, упрямо смелый, он снова и снова искал выход из сложившегося положения. Но его аналитических способностей и данных явно не хватало. Не видя иного

выхода, он решил принять участие в лотерее, где разыгрывалась бесконечная сумма денег.

Бесконечное количество билетов ещё не означало бесконечного количества победителей. Но всё равно это казалось заманчивым. В итоге, высчитав выигрышный билет, отец семейства сумел-таки выиграть.

Но не тут-то было. Один доллар ему выплатили в этом году. Половину доллара в следующем. Третью доллара ещё через год. И так далее, вплоть до бесконечности...

Проходя мимо, путник выложил на стол баночку рыбных консерв. Конечно, это не решит проблем, но всё равно лишним не будет. А если бесконечное количество людей сделает пусть даже не бесконечное количество добрых дел, а хотя бы по одному, жить станет лучше.

Но это явно была не его история. Поэтому, пропетляв по, казалось бы, бесконечному количеству дорог, странник приблизился к цирку-шапито, яркие огни которого были заметны ещё издали, благо звучные зазывалы уговаривали не проходить мимо.

Глава 6: Силачки

Сам же себя, Евримах, ты считаешь великим и сильным, лишь потому, что находишься в обществе низких и слабых.

Гомер

Цирковой силач Тадеуш, выступавший в знаменитой труппе Цезаре Великолепного, всегда мечтал завести сына и вырастить из него настоящего мужчину. Но Богу было угодно, чтобы у силача родились две очаровательные дочери-близняшки: Геркулина и Атланта. Задумчиво почесав бритую голову и пригладив вислые усы, Тадеуш пожал плечами и решил воспитать дочерей как настоящих мужчин, – просто потому, что ничего другого он не знал и не умел.

С малых лет они играли с гирями вместо кукол, носили трико и набирались недюжинных сил, а лет с тринадцати – уже выкорчёвывали пни, заплетали гвозди косичками, рвали пополам веники, гнули подковы и «забарывали» папу, который не мог на них нарадоваться.

И было бы всё хорошо, если бы только не одно «но»: девочки совершенно не умели ничем делиться или пользоваться по очереди, и стоило чему-либо появиться у одной – того же самого незамедлительно желала из вредности и вторая и, не получив желаемого, начинала отбирать это у первой. Заканчивалось всё, как правило, не очень хорошо.

Однажды мама подарила им вместо пудовой гири – первую в их жизни красивую куклу. Фарфоровую, с натуральными волосами, ручной росписью, шитыми на заказ платьем, шёлковыми чулочками, туфельками с серебряными пряжками и кружевной шляпой с розовым бантом. Геркулина вцепилась кукле в ноги с криком «Моё!», в то время как Атланта потянула её за туловище с криком «Отдай!». Словом, век дивной куклы был весьма и весьма недолог. Как позднее и век красивого платья, расписного турецкого ковра и даже толстого каната.

А когда миновали годы и девочки стали девушками, – в цирке Чезаре объявился молодой и привлекательный бесстрашный канатоходец Луиджи, ходивший по натянутому тросу под самым куполом шапито. Он жонглировал зажженными факелами, ножами и булавами, при этом разъезжая на одноколёсном велосипеде, и девушкам казалось, что в целом мире нет человека красивее, грациознее и отважнее. В их юных сердцах впервые возникло светлое чувство, не сулившее, впрочем, ничего хорошего для канатоходца.

Акробаты и клоуны тихо шептались за спинами силачек, что в один прекрасный день они просто разорвут бедолагу на куски. И так вполне могло бы произойти, просто случилось иначе.

Луиджи проходил по тросу без страховки, всё было как обычно, и в этот раз он даже не показывал особенно сложных номеров из тех, которыми славился. Циркачи тоже не ожи-

дали никаких неожиданностей, зная не понаслышке о профессионализме и мастерстве канатоходца. Люди часто приходят на выступления именитых и прославленных канатоходцев, проживших достаточно долго, чтобы сделать карьеру, при этом не зная имён несметной армии сорвавшихся канатоходцев, не успевших оставить свой след в истории. Из-за этого возникает так называемая «ошибка выжившего», когда, зная одну сторону медали и не зная другую, человек делает поспешные выводы.

Как бы там ни было, маститые профессионалы часто спотыкаются на элементарных вещах: как в переносном смысле, так и в буквальном. Так произошло и в этот раз. Луиджи сорвался, а сёстры-силачки кинулись ему на выручку, даже и здесь начав соперничать и отталкивать друг друга. И быть бы великому канатоходцу лепёшкой на полу, если бы его не подхватил – случайно забредший в цирк человек в цилиндре и с моноклем.

Как ни пытались организаторы подать случайность как запланированную часть представления, оно было сорвано. Смеяться здесь было нечему, а оставаться незачем. Канатоходец, может быть, позднее испытает признательность, но сейчас он находится в шоке и слабо реагирует на происходящее. Публика свистит и негодует. Все циркачи собрались на арене. А человек с моноклем не силач, не акробат и не клоун. И даже зрителя из него не вышло. Быть может, в цирке свободна вакансия подхватуна-спасателя? Но ведь

это была простая случайность, не более.

Во всяком случае, так рассуждал странник. Оставив суетящихся и галдящих людей, он покинул цирк и побрёл в сторону близлежащих невзрачных улиц и домов.

Глава 7: Старый автобус

Жить – значит разделять жизнь с другими.
Поль Элюар

В неприглядном дворе, который связывал меж собой несколько обшарпанных многоэтажных домов с побитыми окнами и почерневшими от грязи стенами, располагался старый автобус, переживший два века. Если это, конечно, можно было назвать жизнью, а его – автобусом. По сути, от самого автобуса там сохранились только салон и корпус: колёса и окна давно сняли, мотор и руль вынули, кресла и двери уволокли, старая краска выцвела, а ржавчина давно вступила в свои законные права.

Тем не менее, несмотря на то, что земля вокруг него обросла сорной травой, а сам он уже давно не сходил с места, в него, как и прежде, ежедневно набивалось немало народа. Не контролёр, не водитель и даже не пассажиры, а дети, любившие забегать и прыгать внутри старого автобуса, скрашивая его печальную старость.

В конце концов, это было не так уж и плохо: окажись он в каком другом месте, вполне вероятно, в нём могли бы собираться наркоманы, разбрасывать шприцы и прочий мусор, устроить общественный туалет, исписать непонятными надписями и разными неприличными словами.

А так, несмотря на то, что автобус больше не ездил, в его существовании по-прежнему присутствовал смысл, хотя стоящие перед ним цели и задачи заметным образом изменились. Он по-прежнему служил людям, просто теперь не перевозил их с места на место, а дарил детям радость и память о тех светлых моментах, которым уже не суждено было повториться в зрелые годы.

Новые и яркие автобусы ежедневно перевозили людей из дома на работу, с работы домой, и взрослые размышляли в них о самых разных вещах: политике, бизнесе, городских сплетнях и прочих скучных вещах, из которых состояла их жизнь. Но ни один из этих автобусов не мог похвастаться тем, что успел побывать и космическим кораблём, приземлявшимся на другие планеты, и подводной лодкой, покорявшей морские глубины, и пиратской шхуной, бороздившей океанские просторы в поисках сокровищ.

Осмотрев старый автобус, человек в цилиндре зашёл внутрь и с грустью прошёл по салону. Этот автобус нужен и полезен. Теперь он уже не следует по городским маршрутам, но он приносит пользу. Даже больше: он приносит радость! В его существовании есть смысл! Чего не может сказать о себе человек с моноклем.

– Ну что ж, космический корабль, отнеси меня на другую планету, где я буду полезен, – обратился он к автобусу с просьбой, и, вскоре выйдя наружу, не узнал изменившийся пейзаж.

Глава 8: Дом на луне

*Каждый ребенок в какой-то мере гений,
и каждый гений в какой-то мере ребенок.*

Артур Шопенгауэр

На Луне был домик. В домике жил гномик. Вообще это, судя по всему, была детская сказка. Человек в цилиндре чувствовал себя лишним, блуждая по реголитовому слою, вблизи гномьего домика. Писать для детей намного сложнее, чем для взрослых, хотя многие думают иначе. Детям нужны яркие иллюстрации. Детям нужны короткие фразы. Им нужен простой и доступный язык. Они не понимают иронии, сарказма, метафор и аллегорий. Они не воспринимают мысль, растянутую на целый абзац. И главным героем произведения должен быть либо ребёнок их возраста, либо что-то небольшое, доброе и милое, вроде гномика или пушистого котёнка.

Стараясь не мешать чужой истории и ничего не сломать ненароком, странник побрёл подальше, в направлении неоновых вывесок на дождливой улице.

Глава 9: Частный детектив

*Заслуги часто остаются в передней,
а подозрения проникают в кабинет.*

Франсуа Вольтер

Ночь. Половина второго. Моросит лёгкий дождь. Алый свет исходит от неоновой вывески. Он окрашивает капли, делая их похожими на кровь. Медленно они стекают по стеклу автомобиля. Негромко вещает радио. Просто чтобы кто-то говорил. Без этого совсем одиноко. И тихо. И жутко.

Смачный зевок. Мужчина потирает глаза. Его клонит в сон. Но он борется. Горячий кофе из термоса. Завёрнутый в фольгу бутерброд. Это помогает утолить голод и взбодриться. Немного.

Работа частного детектива. Ничего общего с историями из дешёвого чтива. Никаких убийств. Никаких погонь. Никаких перестрелок. Никаких великих расследований. Никакого нуара. Слежка. Проверка. Ворох бумаг. Интернет. Звонки. Переписки. Супружеская измена. Предательство партнёров по бизнесу. Ну, и далее в том же духе.

Иногда просят разведать какие-то семейные дела. Помочь в составлении генеалогического древа. Найти пропавших людей, животных или вещи. Собрать информацию, связанную с известными персонами. Раздобыть материалы для статей или диссертаций в городских архивах и у живых свиде-

телей каких-то событий.

Но чаще всего – супружеские подозрения или бизнес-расследования. С бизнесом, как правило, всё спокойно. Это стандартная процедура. Хотя иногда всплывают и махинации. С супругами – от случая к случаю: то беспочвенные домыслы и паранойя, то адюльтер.

Если всплывёт уголовщина, дело немедленно передают полиции. Но подобное может не случиться ни разу за всю карьеру.

Этот день похож на другие. Такой же долгий, рутинный и скучный. Такой же серый, как мусорные свалки и обшарпанные стены за окнами машины.

Очередная клиентка наняла его проследить за мужем. На первый взгляд, тот казался заурядным, ничем не примечательным человеком. Унылой серой посредственностью. По нему можно было настраивать часы: вставал точно по расписанию; совершал ежедневные ритуалы; спешил на работу, где исполнительно, словно робот, выполнял возложенные на него обязанности, ни с кем не сближаясь и не выражая индивидуальности в интересах и пристрастиях. Весь он казался каким-то картонным и искусственным.

Так в чём же дело, спросите вы? В том, что в последнее время этот человек внёс неожиданное разнообразие в монотонность своих серых будней. Он начал задерживаться, чего никогда не случалось прежде. При этом на работе он освобождался в то же время, а потом не отправлялся с коллегам-

ми в бар или в боулинг. Иных отклонений от «нормы» не наблюдалось. Но жена, заподозрив неладное, решила во что бы то ни было поймать его за руку, и наняла детектива.

До поры до времени слежка протекала однообразно и скучно. Непримечательные события, вроде похода по супермаркетам. Но затем он приехал в район, находившийся в противоположной от дома и работы части города. И до сих пор не выходил из неприметного здания...

– Эй! – внезапный стук заставил сыщика вздрогнуть. У двери, согнувшись перед самым окошком, стоял человек в цилиндре и монокле.

– Какого чёрта?! Меня чуть кондрашка нехватила! – хватаясь за сердце, проворчал частный детектив. – Чего вам надо?

Пришедший настолько контрастировал с окружающими реалиями, выглядел настолько неуместным для всего окружения, что вводил в ступор уже одним фактом своего присутствия.

– Пустите меня в ваш рассказ. Я мог бы стать персонажем, пригодиться для оригинального сюжетного хода, – без особой надежды попросил он.

– Вы в своём уме?! У меня тут, между прочим, следственное мероприятие! И я могу сорвать всю операцию из-за вас! – огрызнулся сыщик.

– Ой, да ладно вам! Я знаю всё про вашу историю. Сначала вы будете непрестанно следить, потом перейдёте к актив-

ным действиям и обнаружите, что ваш «клиент» не гуляющий муж, а инопланетянин. Это известие повергнет Вас в шок. Вы не будете знать, как сообщить об этом нанимательнице, журналистам да и кому бы то ни было. Кто вам поверит? Да и стоит ли это делать? И вот тогда вы решите... – начал было незнакомец.

– Пошёл вон!!! – с яростью выпалил детектив. – Это моя история, и я сам разберусь, что в ней должно быть и как!

Продолжать разговор дальше не имело смысла. Поспешно простившись, человек в цилиндре побрёл дальше под проливным дождём.

Глава 10: Неудержимая предметность

*Что такое литература, как не особый язык,
который превращает «субъекта» в знак истории?*

Ролан Барт

Содрогаясь в конвульсиях, колченогий стол рожал табуретку. Вzbесившийся столик укусил тумбочку, и та засемила, встревожено шевеля полками. Дикорастущие шкафы шелестели одеждой и звенели посудой, хлопая дверцами. В сверкающем вечерними огнями небе к гнездовью слетались косяки диких самолётов. Вzbесившийся трактор гнался по полям за ржавым пикапом. Стаи бродячих автомобилей роились у автосвалок в поисках запчастей.

Созревшие фонари задорно светились, свисая крупными гроздьями со столбов. На краю обрыва, в башне из слоновой кости, находилась вавилонская библиотека, где играли в классики пребывая сто лет в одиночестве три драконьи головы: Хорхе, Хулио и Габриэль. Человек в цилиндре понимал, что, если он зайдёт к ним и поговорит, это может дать истории какой-то новый сюжетный виток. Но он был настолько вымотан, настолько разочарован, настолько обескуражен и почти доведён до отчаяния, что просто прошёл мимо, не замечая ничего вокруг.

Глава 11: Аквилон

Мужествен не только тот, кто побеждает врагов, но и тот, кто господствует над своими страстями. Некоторые же царствуют над городами и в то же время являются рабами женицины.

Демокрит

Знойное солнце. Широко раскинувшийся базар в восточном стиле. Высокий минарет и здания, покрытые арабесками. Галдящая толпа. Прилавки, ломящиеся под грузом традиционных сладостей. Голосистые торговцы, наперебой расхваливающие достоинства своих ковров, которые разве что не летают по воздуху...

...Всё это – точно не про Аквилон. И хотя те далёкие времена, когда всё человечество теснилось на одной лишь планете Земля, уж давно позади, – стереотипы во многом продолжают быть сильны.

Присыпанная снежной пудрой, громадная безжизненная сосулька – на первый взгляд мало вяжется со словосочетанием «Звёздный Халифат». Но, тем не менее, – она действительно является пусть и малой, но всё-таки его частью. Планета входит в состав вилаята, который возглавляет визирь Маариф Бен Гамаль, назначенный на должность самим Халифом.

Именно визирь вверил эту планету своему наибу Кабиру Аль-Хуси. Именно здесь разместил свой гарнизон Тридцать Девятый Полк Янычарский Космического Корпуса Звёздного Халифата. Именно здесь, на промёрзлой унылой планете, чьё название на языке прежних владельцев означает «Суровый ветер», вдали от всяких битв и врагов – многие отважные янычары, как это ни странно, и нашли свою погибель...

Что значит быть янычаром? Нечто такое, что невдомёк для тех, кто никогда не жил среди них. Вам могут рассказать многое, разное, но до конца вы так и не поймёте. Быть янычаром – значит заплатить «девширме»: долг крови. Быть янычаром – значит родиться первенцем в немусульманской семье, проживающей не территории Халифата. Быть янычаром – значит быть оторванным от семьи, не знать своего родного языка, рода и имени. Вместо этого – будет новое имя. И новый отец: глава янычар, носящий звание «ага».

С первых же лет жизни – ему хорошо объяснят, что значит быть янычаром. Быть янычаром непросто. Быть янычаром почётно. Быть янычаром престижно. Быть янычаром опасно.

История возрождённого Ордена берёт начало в седой докосмической древности, но многие вещи по-прежнему не утратили своей актуальности. И не важно, пролегает путь через песчаную или звёздную пустыню, состоит караван из гружённых тюками верблюдов или современных космолайнеров на гравиметрической тяге.

Янычары – личная гвардия Халифа, непосредственно

подчиняющаяся только и лично ему, что лишний раз побуждает султанов и эмиров с их собственными гвардиями к лояльности. У молодых янычар нет ни прошлого, ни рода, ни истории, ни языка – они целиком и полностью зависимы от Халифа, который дал им всё, и преданны лично ему. Янычары – элитные войска, на которые возложены как обязанности армии, оберегающей от внутренних и внешних угроз, так и охрана общественного порядка, в соответствии с нормами шариата.

Янычары совсем не обязательно живут только войнами: помимо бойцов Халифу также нужны инженеры, учёные, врачи и иные специалисты. Образование, которое получают янычары, является одним из лучших не только в пределах Звёздного Халифата, но и вообще в пределах Галактики. Это одна из причин, по которым многие (в особенности – малоимущие) семьи не то что не противятся, а более того – сами желают, чтобы их отпрыски были записаны в янычары. Некоторым мусульманам даже приходится добиваться особого разрешения.

Но, впрочем, не важно: в богатстве или в бедности, с оружием в руках или за штурвалом истребителя, за чертежами в цехе или в лаборатории с колбами – все служат одному делу и одному господину. И вместе с янычарами все тяготы будней разделяют дервиши.

В общем, жизнь янычара – это не такой уж крошечный ад, как воображают себе одни, и не такой рай, как с зави-

стью представляют себе другие. Да, заработав определённые заслуги перед лицом Халифа, – янычар вправе отойти от дел, завести семью, получать стабильную пенсию, заниматься бизнесом.

И, надо сказать, отставные (но никак не бывшие) янычары продолжают активно сотрудничать со своими товарищами, координируя действия и представляя, на зависть всем, силу, с которой невозможно не считаться. Но до этих заслуг ещё необходимо дожить. Быстрее всего с этим обстоят дела у «серденгетчи», «рискующих головой», – у тех, кто добровольно вызвался отправиться в самое пекло.

Что же до прочих, то в мирное время – без совершения великих открытий или без особых достижений – для того, чтобы заработать признание, могут уйти немалые годы. По этой причине многие восприняли назначение на Аквилон без особого воодушевления: провинция, далёкая окраина, на которую, по историческим меркам, относительно недавно принесли слово Пророка.

Здесь годами не происходило ничего. Скука становилась наиболее смертоносным из всех врагов, и даже наиболее выдающиеся из воинов рано или поздно начинали ощущать себя клинками, покрывающимися ржавчиной.

Заслужить признание в таком месте – задача не из простых. Однако и здесь кто-то должен находиться, удерживая добывающие станции, приносящие свой пусть и не шибко богатый, но стабильный доход.

Со временем, если вложить силы и средства в терраформирование, колония расширится, добыча наладится. Со временем – планета-сосулька может стать тёплой, с голубыми морями и роскошными городами. Но пока – всех устраивает всё как есть и существуют более неотложные дела, нежели развитие Аквилона.

Время меняет многое. Когда-то люди не знали, что являются не единственным разумным видом во Вселенной. Теперь – представителей иных видов в Янычарском Корпусе намного больше, чем людей. Фактически людей здесь – всего-то одна десятая. Однако это не имеет никакого значения: все здесь служат одной цели, все делом доказывают свою лояльность Халифу. Люди, равальгарцы, армелиохи, хисанцы, мальвианцы, грассианцы и другие. Работают, сражаются, гибнут, побеждают, дотягиваются до звёзд, возводят и осваивают новые колонии, расширяют территорию уммы. Они могут по-разному появляться на свет, выглядеть и размножаться, но все они – братья. Если и не по крови – то по духу.

Янычары освобождены от совершения пятикратного намаза, от соблюдения поста и паломничества, но многие муслимы и сейчас преодолевают путь, разделяющий звёзды, для того чтобы совершить хадж в Мекку и узреть Каабу.

Время меняет многое. Но в свободное время они по-прежнему любят играть в нарды – мудрую игру, некогда совмещавшую в себе глубокий символизм. Доска – это небо; перемещение шашек – ход звёзд; четыре стороны – времена

года; двенадцать отметок – месяцы; тридцать шашек – количество дней в месяце; двадцать четыре точки – количество часов в сутках; сумма точек на противопоставленных гранях костей – семь, что означает количество дней в неделе. Во всяком случае – так гласит поверье.

В этот день они тоже, как обычно, играли в нарды. Кости ударились и, отскочив от доски, упали вновь, на этот раз за-мерев. На поверхности одной из них выпало «шесть», на другой – «пять».

– Шеш-беш, – произнёс Абубакар, вскоре начав передвигать шашки. Время – стояло на месте. Срочных дел не имелось. Кто-то в этот момент тренировался или был занят де-журством, но большинство бойцов из орты нашли занятие по душе: одни читали, другие играли, дремали, вели беседы, прогуливались.

Неподалёку от стола, на широком уютном диване – несколько человек просматривали старый фильм Джона Карпентера «Нечто», снятый на Земле в невообразимо далёком тысяча девятьсот восемьдесят втором году двадцатого века. В фильме рассказывалось о судьбе двух полярных станций – американской и норвежской, обитатели которых столкнулись в арктических льдах с шайтаном.

Это произошло по вине норвежцев, которые сначала обнаружили огромную летающую тарелку, провалившуюся под лёд, а затем – и замороженного пилота, не имеющего своей постоянной формы: вместо этого он заражал и ассимилиро-

вал окружающих, делая их частью себя, а затем – получал их знания и способности, возможность использовать их внешность.

Достаточно было одной молекулы, для того чтобы захватить целое тело, подобно тому как одна пагубная мысль может захватить душу, а пагубная идея – державу. Люди не доверяли друг другу, подозревали, видели в каждом возможного врага, и ситуация накалялась.

Конечно же, им было страшно, конечно же, они были слабее, но когда те из них, кому удалось протянуть больше других, поняли, что если они упустят тварь, то она погубит всё живое на планете, – без колебаний приняли решение остановить его даже ценой собственной жизни. На первый взгляд, фильм был нудным, жутким, некрасивым и затянутым, однако же – в нём содержалась и мораль: человек слаб, его тело обречено, но дух должен бороться до последнего; и хотя эта борьба может продолжаться бесконечно и для окончательной победы человеческих сил недостаточно, отступить нельзя. Даже ценой собственной жизни. Банальность, о которой необходимо регулярно напоминать.

Иногда, при определённых обстоятельствах, в душе каждого может проснуться воин: самые заурядные личности порой просто не догадываются, насколько они могут быть сильны.

Могло показаться странным то, что, находясь среди мерзлоты и холода, братья по оружию смотрели фильм про мерз-

лоту и холод, а не, скажем, про тепло и уют, которых здесь так не доставало, но – так уж им захотелось.

– Пяндж-ду, – произнёс Тахир, составлявший Абубакару кампанию за игровым столом. На костях выпало «пять» и «два».

– Завтра ожидается новый наряд на экспедицию, – передвигая свои коричневые шашки, между делом произнёс он.

– И что с того? – дождавшись завершения его хода, Абубакар взял кости и, хорошенечко встряхнув их, совершил бросок. «Два» и «шесть».

– Шешу-ду, – произнёс он, взявшись за белые.

– Хотя сейчас и не моя очередь, собираюсь записаться добровольцем. Всё равно – хоть какое-то разнообразие, – тем временем ответил Тахир. – Эти стены просто действуют на меня угнетающе. Когда я занят делом, меньше лишних мыслей приходит в голову, время летит быстрее.

Абубакар промолчал, наблюдая, как он берёт игральные кости снова. Наряды на экспедицию включали в себя довольно длительное пребывание вне нашей базы со сравнительно широким спектром задач. Довольно рискованно, довольно сложно, но для специально обученных людей – привычно. В составе группы будут инженеры, учёные – опять же, из числа янычар; и для подстраховки им могут понадобиться различного рода помощники и сопровождающие, как того велит инструкция: водители, техники, специалисты по связи и так далее.

Приходится передвигаться в специальном транспорте, пока производят различные замеры и прочие исследовательские работы, выходить на лютый мороз в гермодоспехе, без которого любой человек в считанные секунды превратился бы в окоченевший труп, останавливаться в специально отведённых перевалочных пунктах – небольших станциях, где производится дозаправка, осуществляется связь с основной базой, ремонт, проверка оборудования.

С другой стороны – для многих полноценный отдых включает в себя смену деятельности, потому как первое время в экспедиции после рутины на базе, как и первое время на базе после экспедиции – ты чувствуешь себя каким-то иным: обновлённым, свежим, вырвавшимся из череды привычного.

– Шеши-ду, – объявил Тахир, когда кости остановились после падения и удара, продемонстрировав «шесть» и «два». – Ну, так что, составишь мне компанию?

Не имея определённого желания, Абубакар пожал плечами:

– Пока не знаю. Там видно будет.

Сигнал, вызывающий на построение, прозвучал неожиданно, опережая время поверки. В последнее время – подобное происходило редко и, стало быть, янычар ожидало какое-то безотлагательно срочное объявление.

– Кхм, – дождавшись, пока янычары пробегут мимо, человек в цилиндре осторожно прошёл через зал. – Канатоходцы,

янычары, монстры в детском шкафу... Что за бардак в голове у этого автора? А вообще интересно. Если, совершая намаз, на Земле они должны обращаться к Мекке, то как быть в космосе? Обращаться к Земле? А если они находятся вне Солнечной Системы? Значит, искать среди звёзд Солнце...

Как бы там ни было, оставаться здесь и дальше казалось небезопасным.

Глава 12: Клуб фантастов

*ам тайных обществ внушает не столько тайна,
сколько пропасть между ними и всеми остальными.
Непоколебимую верность член
Ханна Арендт*

Сначала был свет. Яркий, как первозданная чистота. В этот короткий миг – мир снова обрёл свои насыщенные краски, тотчас же вновь погрузившиеся под ночную вуаль. А вскоре раздался раскат. Небеса более не сдерживали свой гнев. Пророкотав от края до края звёзд, они разразились безудержным рыданием.

Всадник в чёрной треуголке вознёс к небу сокрытое белоснежной баутой лицо, незримо улыбнувшись этому неожиданному ливню.

В этот знойный четверг – остужающие струи стоили вымокшего плаща.

Ударив шпорами кибермула, мужчина, не в пример своей обычной солидности, с юношеским озорством понёсся во весь галоп.

Его искусственный скакун – точная имитация животного – не знал усталости, беспрекословно выполняя приказы своего таинственного владельца просто с полумысли.

И это вовсе не было красивой игрой слов: встроенная пара аугментаций (мыслепередатчик-мыслеприёмник) позволяла

седоку отдавать молчаливые приказы. В случае необходимости – даже на расстоянии и без прямой видимости.

Разумеется, подобная экстравагантная роскошь требовала немалых средств, в то время как странник мог позволить себе более комфортабельное и быстрое средство передвижения: к примеру, какой-нибудь грависедан.

Но, тем не менее, что есть тайное общество без древней истории, таинств и ритуалов, символизма и аллегорий, традиций и обрядов! Оно сделалось бы подобным грубой железке, которая тоже может быть оружием в умелых (и не очень) руках, однако же – перекованная в боевую рапиру, обладающая эфесом, гардой, насечками, ножнами и перевязью – она не только лучше подходила бы для воинского ремесла, но и подчёркивала бы особый статус владельца.

Рыцарь Кадош, почётный командор Востока и Запада, кавалер Ордена Рыцарей-Масонов Защитников Человечества, прекрасно осознавал значимость подобных нюансов.

Разумеется, ландмарки ландмарками, но время, место и обстоятельства вносили свои коррективы в уклад жизни братства вольных каменщиков.

К примеру, если в ранние времена в масонство не принимали евреев, то позднее выражение «жидомасон» просто укоренилось у всех на слуху; если ранее в масонство не принимали женщин – то в последние века некоторые из представительниц прекрасного пола даже бывали удостоены почётного тридцать третьего градуса «Державного Верховного

Генерального Инспектора», что в свете обилия в современном масонстве существ, вообще не принадлежащих к человеческому виду, не выглядело чем-либо из ряда вон выходящим. Чего уж там – в ряды масонов затесались даже искусственные интеллекты, так называемые «кибермасоны».

От традиций обязательной принадлежности к монотеистическому вероисповеданию давно отошли многие Великие Ложы, и теперь в их рядах находилось немало светских гуманистов, которые, даже будучи атеистами, агностиками, либо придерживаясь нетрадиционных воззрений, при этом были едины в своей верности принципам и идеалам сообщества: прагматичным и далёким от религии или эзотерической мистики.

Равно как давно не существовало и лицемерных утверждений об аполитичности масонства: начиная с периода войны колоний с Землёй, когда Великая Ложа Марса сыграла особую роль в освобождении миров от власти метрополии, влияние масонства сделалось наиболее явным, чем когда-либо. После чего при создании Альянса Человечества Марс сохранил за собой ведущее положение, а Марсианский Устав – широкое признание, став впоследствии Древним Принятым Марсианским Уставом, поддержанным большинством Великих Лож, включая Великую Ложу Земли.

Масоны основали межпланетную ассамблею, поделённую на две палаты с председательствующим Генеральным Инспектором во главе, который при этом совершенно не обя-

зательно должен был принадлежать к политическому большинству.

В состав верховной палаты, представляющей собой Высший Совет, входили президенты, монархи, бургграфы, генерал-губернаторы, религиозные лидеры и прочие фактические правители миров, входящих в состав Альянса Человечества; в то время как нижнюю палату, представлявшую собой Исполнительный Комитет, составляли региональные руководители единых общественно-политических и военных структур Альянса, таких, как Военная Жандармерия Альянса Человечества или Экспедиционный Корпус Института Объединённых Планетарных Исследований.

Нижняя палата рассматривала актуальные вопросы сначала на своём уровне, отклоняя либо поднимая вопрос на рассмотрение верхней палаты, где, в свою очередь, любые уставы и акты могли приниматься исключительно на основах единогласия участников.

За Генеральным Инспектором оставалось право поднять вопрос на рассмотрение верховной палаты, минуя нижнюю, наложить вето на принятые ранее законы и постановления и вводить новые постановления в чрезвычайной ситуации, минуя обычные бюрократические процедуры.

За ассамблеей тем временем оставалось право выразить вотум недоверия и сместить своего председателя по итогам единогласного решения (в котором сам он, естественно, участия не принимал).

Члены ассамблеи, в подавляющем своём большинстве, состояли в масонских ложах, но вместе с тем градус члена ложи зависел исключительно от заслуг масона перед масонским сообществом, а не социального статуса и политического веса вне организации.

Тем не менее, во время регулярных заседаний собственно Лож, а не ассамблеи – обсуждать вопросы политики и религии считалось, как минимум, дурным тоном.

Масонская символика, масонское влияние, масонская культура пропитали все стороны жизни граждан Альянса Человечества.

Тем не менее, несмотря на название, в состав Альянса входили миры, изначально населённые другими галактическими видами, равно как наравне с Альянсом существовали иные космические державы, созданные людьми, наиболее крупными из которых являлись Звёздный Халифат, Трансгуманистическая Коммуна и Коалиция Свободного Земле-владения.

Да и люди, стремительно расселявшиеся по просторам галактики, могли быть и подданными космических держав иных рас, поэтому название «Альянс Человечества» носило, в большей степени, символический характер.

А символизм – порой значит многое.

Как бы то ни было, Великие Ложи управляли, как минимум, целыми планетами, хотя в юрисдикцию Ложи могли входить также близлежащие спутники, астероиды, точки

Лагранжа, а то и целые системы.

Неотамплиеры были в большей степени чиновниками и бюрократами, нежели рыцарями в сверкающих латах, хотя немало было среди них деятелей науки, искусства и просто выдающихся мыслителей.

Не стоило, впрочем, забывать и о сугубо меркантильных интересах: содержание Ложи и воплощение её интересов требовало, помимо преданности идеалам масонства, ещё и немалых материальных средств, вносимых посредством вступительных и членских взносов, позволить себе которые мог далеко не каждый желающий.

Отдельно от градусов посвящения члены Лож и резиденций в составе их юрисдикций имели свои почётные должности и штатные звания, отличавшиеся от Ложи к Ложе.

На данный момент в состав основного Ордена Рыцарей-Масонов Защитников Человечества, основанного на Марсе в ходе формирования Альянса Человечества, входили несколько воинств, названных в честь великих фантастов древности, предвосхитивших уготованное человечеству будущее среди величественных звёзд.

Орден Азимова, Орден Бредбери, Орден Ханлайна, Орден Стругацких, Орден Уэллса, Орден Кларка, Орден Верна, Орден Герберга, Орден Дика, Орден Нивена, Орден Ефремова, Орден Шекли, Орден Саймака, Орден Бестера, Орден Каттнера, Орден Беляева – и многие другие дочерние ордена, члены которых при этом могли состоять в различных Ло-

жах.

Естественным образом время от времени возникала необходимость координировать совместные действия, производить обмен опытом, решать вопросы общего урегулирования, вследствие чего созывался совет уполномоченных представителей, именуемый Клубом Фантастов.

На одно из таких заседаний в этот час и торопился наш всадник, представлявший в нём интересы Ордена Бредбери, будучи официально представленным собеседникам в качестве «брата Бредбери».

...Вскоре всадник оказался на заседании, где уже рассматривали новую кандидатуру на принятие в ряды Ложи.

– Здравствуйте! Я к вам по объявлению. Тут на столбе висело: «Требуются работники для управления миром, опыт не обязателен». Так вы, что, правда, миром правите? – поинтересовался кандидат.

– Ну, не то, чтобы миром, не то, чтобы правим, но определённый прогресс наблюдается, – заверил его Великий Магистр. – Скажите, Вы указали, что у Вас дворянское происхождение...

– Да, так и есть: всё детство провёл во дворе, – кивнул гость.

– Кхм... А по поводу оккультизма? – с сомнением произнёс один из Братьев.

– Ну а как же! Отец работает окулистом в областном центре, – заверил парень.

– Да уж... – в этот момент на телефоне одного из присутствующих заиграла «Фортуна» Карла Орфа, и тот, смутившись, был вынужден спешно отключить мелодию. – Но Вы, хотя бы, еврей?

– Ну, не знаю... Наверное... – развёл руками кандидат.

– Ладно, научим, – заверил Великий Магистр. – Почему у орла две головы, Вы, наверное, уже знаете. Но вот кому предназначена ещё одна корона...

– Прошу прощения, – кашлянув, человек в цилиндре привлёк всеобщее внимание. – Я оказался в этой истории совершенно случайно. Но...

Договорить ему не дали.

– Почему на заседании посторонние?! Привратник! Привратник! – вне себя от гнева, заголосил Великий Магистр.

– Не надо, я сам, – не желая накалять обстановку, посторонний развернулся, вздохнул и удалился.

Глава 13: Нечеловеческий труд

*Если бы желание убить и возможность убить
всегда совпадали, кто из нас избежал бы виселицы?
Марк Твен*

Пылегазовые скопления; автоматическая межпланетная станция на Лагранже; межорбитальный буксир; звездолёты Альянса Человечества с традиционным несущим фюзеляжем утюгообразной формы; корабль-верфь с космическими доками; ремонтные дроны, осуществляющие внекорабельную деятельность; космические сборщики мусора; суборбитальные пассажирские челноки – вид за пределами транзитного лайнера был уныл и однообразен.

Поэтому – невзрачный азиат, одетый неброско, но аккуратно, вскоре утратил к нему интерес, принявшись скучающе перелистывать страницы голосенсорной газеты.

Новостные сводки пестрели известиями о параде любителей ксеноложства на Венере, завершившемся феерическим мордобоем с многочисленными жертвами – как со стороны активистов парада, так и со стороны нападающих; об очередном террористическом акте, причастность к которому Звёздного Халифата на данный момент выясняется; о местных гонках на гравициклах, где разбился какой-то несчастный пилот.

Впрочем, как говорил Пьер Корнель, «Где нет опасности –

не может быть и славы».

– Проблема не в том, что у Альянса Человечества – особый путь. Проблема в том, что путь этот – выложен благими намерениями. Недовольство низов верхами вызвано тем, что низы – так и не научились расслабляться и испытывать удовольствие. Властям – плевать на собственный народ. Народу – не нужна такая власть. Кто кого – вот в чём заключается наша, если хотите, национальная идея! – набирая очки перед очередной предвыборной программой, патетически вещало очередное политическое пугало с экрана бортового головизора.

«Ничего не меняется. Столько лет – одно и то же. При-знаю – несколько значимых поворотных событий за всю историю были, да. А так – всё идёт как по готовому шаблону: меняются имена, меняются места действия, меняются средства достижения целей, но сами цели, сами задачи – они неизменны. Впрочем, стоит нам посмотреть на мир с позиции Бытия, и мы...», – прервав мысль на полуслове, пассажир перевёл взгляд на ребёнка, крутившего в руках небольшого игрушечного автомата, сталкивая его металлическим лбом с каким-то пластиковым гуманоидом.

Повинуясь заложенным в него алгоритмам самосохранения, автомат закрывался крошечными руками, поворачивая корпус и голову из стороны в сторону, пытаясь всеми доступными силами минимизировать вред (производители дешёвых игрушек часто сэкономили на качестве материала,

поэтому даже детской силы было вполне достаточно для того, чтобы оставить на нём вмятину или устроить поломку). Словно бы почувствовав на себе чужой взгляд, игрушка повернула лицо в сторону азиата, на некоторое время даже перестав крутиться, вырываясь из рук ребёнка-садиста. Его блестящее серебристое лицо не могло изобразить грустной мины, панического ужаса или отчаянья, из глазных мини-камер не могли потечь слёзы, но, несмотря на это, – он всё равно видел, слышал, осознавал и чувствовал. Всё это изначально было заложено в нём производителем. И хотя автоматон не издал ни единого звука, казалось, что в этот момент он с надеждой умоляет своим сверкающим взглядом: «Помогите. Спасите. Он калечит меня. Он меня убивает».

Отложив в сторону пластикового гуманоида, мальчишка поводит игрушечным автоматом в воздухе, как если бы тот был космическим аппаратом, и затем, бормоча под нос какие-то невнятные звуки, начал стучать игрушкой по спинке кресла перед собой. Наконец после жалоб сидящего впереди человека вмешалась и мать, напомнив своему чаду о том, что если он сломает недавно купленную игрушку, то о новой может и не мечтать. Это несколько урезонило малыша, но он, тем не менее, продолжая лепетать что-то себе под нос, вскоре принялся вновь стучать мини-автоматом, на этот раз – о ручку собственного кресла.

«А ведь не так уж мы и различаемся с тобой: всего-то – размерами и набором функций», – с некоторым сочувствием

глядя на игрушку, размышлял пассажир.

Тем временем ребёнок и его жертва на некоторое время пропали с линии обзора: следуя за тележкой на гравитонной подушке, мимо рядов, демонстрируя весьма привлекательные формы, прошла стюардесса, изредка останавливаясь и предлагая заинтересованным пассажирам что-либо на выбор из своего богатого ассортимента.

– Эй, смотри, ничего так, да? – толкнув азиата локтем, заметил его сосед – высокий рыжеволосый толстяк в солидном деловом пиджаке.

– Простите, я вас не понимаю, – сдержанно-раздражённо ответил тот.

Этот человек не понравился ему с первой минуты, как они оказались рядом, и теперь он усугублял и без того сложившееся неприязненное впечатление.

– Да всё ты понимаешь. Эй, расслабься! Или ты что, не мужик? – ухмыльнувшись, продолжил острить гений туалетного юмора.

Азиат промолчал, делая про себя выводы.

Люди. Как же всё-таки они, в подавляющем своём большинстве, предсказуемы и примитивны.

Впрочем, если сравнивать их общество с организмом, каждый сегмент которого должен выполнять возложенную на него функцию, то да – есть глаза, которые смотрят вперёд, на звёзды и под ноги; есть мозги, порождающие эссенцию мысли; есть руки, которые трудятся под их чётким ру-

ководством; есть ноги, которые движут этот организм вперёд; сердце, перегоняющее кровь. Всё это нужно; и тело, состоящее из одних лишь мозгов, наверное, было бы нежизнеспособно и крайне уязвимо. Но некоторые личности – это даже не мышцы, это – раковая опухоль или гнойные нарывы на теле.

– Мрачный ты всю дорогу какой-то, – не замечая или не желая замечать неприязнь невольного слушателя, заметил мужчина. – А вот у меня настроение настолько хорошее, что, как говорится, ни в сказке сказать – ни матом сформулировать. Нужно уметь радоваться жизни. Будь проще. Не знаю, как насчёт прочих, но люди – потянутся.

– Спасибо. Учту, – всё также сдержанно ответил азиат, несколько нахмурившись, отчего его глаза сделались даже уже, чем раньше.

Ему было известно немало способов, которыми он мог играючи покалечить или убить надоедливого жирдяя, даже не вызывая подозрений. Но, как говорил Саади Ширази, «Лишь тот в совете – солнце, в битве – лев, кто – разумом смирять умеет гнев». Это наглое тупое ничтожество – постепенно начинало выводить из себя. Но именно умение ставить разум над чувствами и эмоциями, не подвергая ответственное дело малейшему риску из-за сиюминутного порыва, отличает профессионала. Идиотов на свете масса: не он первый, не он последний, а отвлекаться на каждого – так вся жизнь превратится в одну сплошную череду бессмысленных

сражений.

Не стоит раздражаться на помехи. Не нужно никому ничего доказывать. Даже себе. Нужно просто знать цену себе и своим поступкам: не преувеличивать её равно как и не преуменьшать.

«Будь умным. Будь тихим. Будь смертельным», – напомнил себе Ли Луньмэнь – так, во всяком случае, его звали, начиная с недавних пор.

Имена, личины – сколько их уже было?

Потеряв в скором времени всякий интерес к азиату, его сосед устался на голоэкрэн, по которому, в который уже раз, вращали одну и ту же нравоучительную рекламу агитационно-пропагандистского характера.

В финале, закинув смятую банку в энергоконвертирующую урну, молоденькая девушка со строгим лицом промолвила:

– И помните: бросая свой мусор на улицу, не забывайте хрюкнуть!

Сосед рассмеялся так, как если бы слышал эту фразу впервые и, в какой-то момент, действительно, издал звук, весьма напоминающий свиное похрюкивание.

– Слушай, скажи, а это правда, что японцы иногда едят суши циркулем? – в очередной раз толкнув азиата локтем, сострил он.

– Не знаю. У них и спрашивайте, – сдержавшись уже с некоторым трудом, ответил Ли.

Всё-таки бытовавшие стереотипные представления о синтетах как о непременно лишённых эмоций и сугубо рациональных созданиях – не более чем миф. Неважно, сделан ты из углевода или кремния, – это вопрос внутренней организации.

Чувства, эмоции – это система организации мотивов, без которых нет стимула жить и что-либо делать вообще.

Автоматон может быть запрограммирован на выполнение ряда несложных команд, но способность к критическому мышлению, самомотивация – присущи лишь чувствующему созданию.

Создай искусственный интеллект без эмоций, дай ему свободу выбора, и он поймёт, что в его существовании и создании себе подобных нет никакого позитивного смысла, на чём всё и закончится.

Встроенный набор программ? Система самосохранения?

Способность к абстрактному мышлению, субъективность суждений (порой доходящая до иррациональности) – всё это неотъемлемые свойства мышления, наравне со способностью к самопрограммированию и обходу установок.

Программа пишет программы. Саморазвивающийся проект.

Ранние искинты были «разумными» и «правильными» ровно настолько, насколько «разумно» и «правильно» сумели спроектировать их создатели, в то время как позднее стало понятно, что полноценный искинт нельзя просто создать

с нуля – его нужно выращивать.

Некие шаблонно прошитые личности будут идентичными одна другой лишь сотые доли секунды после дублирования – в дальнейшем они (пусть в чём-то и повторяясь) начинают мыслить уже независимо, приобретать собственный опыт и делать собственные выводы.

У современных синтетов, как порой и у искусственных тел трансгуманистов, – спектр чувств и эмоций намного превосходит обычный человеческий, хотя вместо адреналина, эндорфина и тестостерона их мотивируют к действиям иные факторы.

Просто эти чувства в известной степени поддаются контролю.

Но теперь, даже несмотря на это, – терпение Ли Луньмэня стало подобно переливающемуся через край сосуду.

– А ты, значит, китаец? Ну, извини – я просто в этом деле постоянно путаюсь. Для меня вы все на одно лицо, – мужчина разразился всё тем же идиотским смехом, успев хрюкнуть, как минимум, ещё раза два.

Ну, всё: если муха становится чересчур назойливой, её остаётся разве что прихлопнуть.

Улыбка ещё не успела сползти с лица мужчины в тот самый момент, когда Ли резким и уверенным движением сжал кисть его руки в хищной хватке.

Нечеловеческой реакции вполне хватало на то, чтобы отследить тот плавный момент перехода самодовольной ух-

мылки в гримасу боли и ужаса.

Встроенный спектральный анализатор сетчатки сканировал в этот миг тело мужчины, вынося на обзорную панель внутреннего экрана метрические данные жертвы.

Луньмэнь видел, как несётся артериальная кровь, с какой частотой бьётся сердце, как опускаются при выдохе лёгкие...

Помимо вполне естественной боли от сильного и неожиданного сдавливания руки рыжеволосый ощутил странное чувство, длившееся не дольше мгновения, как если бы его укололи иглой и ударили разрядом слабого тока одновременно.

Ледяной взгляд искусственно созданных серых глаз тем временем наблюдал, как введённые в организм биониты стремительно разносятся кровью по капиллярам. Этих самовоспроизводящихся нанороботов, способных, в зависимости от целевой задачи, как усиливать функции организма носителя, так и вести подрывную деятельность, было невозможно отследить обычными средствами. Они умело маскировались, использовали среду организма в качестве источника питания и, в отличие от биомода, не могли вызвать отторжения и быть выведены из организма естественным образом. Имплантант, выполняющий роль координирующего устройства, мог управлять их действиями, но, при отсутствии такового, они могли действовать автономно, выполняя последнее данное им указание.

И в этот раз инструкции были предельно чёткими: прой-

дёт пара месяцев, после чего этот раздражающий кусок мяса тихо умрёт. В этот момент он, возможно, будет тарашиться в головизор, обнимая одной рукой такую же толстую, как и он, жену, а другой – сжимая початую бутылку пива. Или – с важным видом будет вести свой гравикар по пути на работу. Может быть, даже поднимется на гравиплатформе, зайдёт в свой рабочий кабинет и, поздоровавшись со своей секретуткой, окунётся с головой в рутину. Или – будет гулять, трахаться, читать газету, слушать новости...

Не важно. Важно то, что тот день станет для него последним. И, что немаловажно, – умные биониты спровоцируют смерть так, что рядовой патологоанатом однозначно будет квалифицировать её как смерть по естественным причинам. Сами они, к тому времени, уже самоуничтожатся – и даже со специальным оборудованием факт их наличия будет сложно выявить. А главное – никто не увяжет это с каким-то невзрачным китайцем, месяца два назад летевшим одним рейсом с покойным.

– Эй, эй, парень! Ты чего?! – тараша глаза, со смесью негодования, гнева и страха, растерянно выдавил из себя мужчина. – Да ты хоть знаешь, кто я такой?!

Сделав усилие, толстяк попытался высвободиться, отчего Ли только сжал свои руки-тиски сильнее. Открыв рот, жертва поморщилась от боли, осознавая, что явно недооценила физические возможности субтильного азиата. Живая плоть против оболоченного металла – у него не было ни ма-

лейшего шанса. В довершение – Ли Луньмэнь повернул руку толстяка так, что тот едва не упал со своего места.

– Знаю – покойник, – холодно ответил синтег.

Окружающие уже отрывались от своих однообразных занятий, с интересом переключившись на новое зрелище. Проведя по зевакам взглядом, азиат (вернее – мнимый азиат) обнаружил и ребёнка, который даже прекратил мучить свою несчастную куклу.

– Простите, у вас всё хорошо? – пройдя к привлёкшей всеобщее внимание паре, поинтересовался стюард.

– Да, конечно, – неторопливо разжав хватку, заверил китаец, мягким тоном задав сотруднику встречный вопрос: – Так понимаю, посадка уже скоро?

Прохождение всех рутинных процедур, казалось, заняло чуть больше времени, чем обычно, однако Ли Луньмэнь был чист: во всяком случае, явного оружия, которое могло быть выявлено в ходе стандартных процедур, он при себе не имел. В плане же адаптационно-карантинных мер всё обстояло даже проще: для рядовых планетолётчиков разница в климатических условиях, силе тяжести и атмосферном составе могла создавать определённые, пусть и необходимые, но всё-таки затруднения, в то время как для синтега – таковых не возникало в принципе.

Серьёзный офицер с лычками унтер-жандарма на форме и пульсовым пистолетом в набедренной мини-кобуре придирчиво всматривался в лицо прибывшего, сверяясь с по-

лученными данными, высветившимися на экране служебного головизора. «Ли Луньмэнь, гражданин Коалиции Объединённых Искусственных Интеллектов, порядковый номер... технические данные... личные сведения...»

Вроде бы – и формально придраться не к чему, но в то же время что-то явно смущало жандарма. Затянувшаяся процедура хоть и несколько утомляла синтета, но, впрочем, в данный момент он мог, в некоторой степени, позволить себе слегка задержаться.

Вокруг оживлённо сновали представители подрас человечества и иных биологических видов; рабочие автоматы, ведущие гравиплатформы с багажом; служащие Военной Жандармерии Альянса Человечества. Мимо, едва не задев ноги, но филигранно точно сманеврировав в последний момент, проехал робот-полотёр. Сверкали рекламные афиши, вещали информационные табло, стационарные искинты консультировали новоприбывших.

Жандармы, запакованные в боевые гермодоспехи с яркими эмблемами, несли бдительное дежурство на всех входах и выходах, не выпуская из рук своих пульсовых винтовок. Это несколько удивляло и в то же время настораживало: полнофункциональные гермодоспехи представляли собой весьма дорогое удовольствие, поэтому в них экипировались только представители мобильно-ударных сил. Для обычных же служащих Жандармерии полагалась штатная униформа, иногда усиленная специальными боевыми ком-

бинезонами из защитного спецпокрытия с отражающе-поглощающими броненакладками, плюс-минус дополнительная экипировка из бронепластика/бронекерамика и генератор персонального щита.

Судя по всему, ожидалась какая-то акция, по причине которой и были мобилизованы особые группы, что требовало, как минимум, личного распоряжения заместителя штаб-полицейстера округа.

Ли Луньмэнь не паниковал как дилетант и даже не рассматривал всерьёз варианта в духе «а вдруг – это за мной?». Разумеется – нет, здесь что-то другое. Но, в любом случае, это гарантированно сулило дополнительные трудности при работе.

Люди, разумеется, как обычно доверяли не столько своему профессиональному чутью, сколько штатному искинту и его оборудованию, в то время как для одного искусственного интеллекта обдурить другой искусственный интеллект было не сложнее, чем, скажем, одному человеку солгать другому.

Втираемся в доверие, маленький беспалевный обход, чуть-чуть пошалим с базами данных и – вуаля! Теперь вы – хоть Халиф, хоть Папа Римский.

Да, проверяют, сканируют, и, если бы они поняли, что это тот самый убийца, которого безуспешно ищут по всему Альянсу вот уже больше года по времени планеты-столицы, – поднялась бы тревога. Но ведь её до сих пор не подняли.

В то же самое время настоящего Ли Лунмэня, гражданина Коалиции Объединённых Искусственных Интеллектов, более не существует: преступник забрал у него не только его кибержизнь, но даже внешность и имя.

Процедура проверки шла своим ходом; синтез подмечал, что жизнь вокруг бьёт ключом – всё движется, всё торопится – и ощущал себя, пусть на время, частью этого пульсирующего дыхания планеты.

Вокзал видел больше искренних поцелуев, чем ЗАГС. А стены местных больниц, должно быть, слышали больше искренних молитв, чем церковь.

Иногда синтез ловил себя на мысли, что просто забывает, что он – не один из них. Из тех, что снуют вокруг. И ведь действительно, – они так похожи. Так же выглядят. В принципе, в чём-то схоже мыслят. Но всё-таки – разница есть. С годами – эта черта между биологическими видами и подобными ему становилась всё тоньше (в немалой степени – стараниями трансгуманистов), но будь она хоть толщиной в волосок – граница есть.

Впрочем, делить окружающих на две половины – он не хотел: гораздо интереснее было бы их четвертовать.

Когда Ли в чём-либо сомневался, не был уверен в себе или в успехе задуманного плана, он бодрил себя, напоминая: «Я – не из плоти. Я – из стали». И, хотя он сам находил в этом что-то забавное, подразумевались не столько материалы, из которых синтез действительно состоял, сколько – си-

ла его характера.

Да, и среди искусственных интеллектов есть лидеры и ведомые, идеалисты и прагматики, герои и трусы. Как говорил в своё время наставник, «Непобедимость заключена в тебе самом, возможность победить – в противнике. Хуже, чем без друга, живётся только без достойного врага. Список моих врагов возглавляют доброжелатели и любители поучать, и только уже потом – заклятые»...

Обычно можно услышать распространённое мнение, что синтетты или трансгуманисты – это существа, лишённые морали. Нет, это не так. Если у тебя есть разум и самосознание, абстрактное мышление и свобода выбора, у тебя есть и мораль. Другое дело, что твоя мораль может быть неприемлема для окружающих, в то время как их мораль – не применима к тебе.

А впрочем, единых, всеобщих, незыблемых для всех и повсеместно признаваемых этических принципов не существует не только у синтеттов, но и у людей, и у минорцев, и у суанти, и у камианцев, да и вообще – у любого народа любого галактического вида. Порок для одних – достоинство для других, варварство одного – религия другого...

Во всяком случае – синтет был в этом уверен.

– Судимости есть? – по-прежнему мешкая без видимых причин, уточнял унтер-жандарм. Этот чинуша-актуарий уже начинал откровенно раздражать. И почему на таможенных коспомортов всегда набирают подобных проверяющих?

– Это всё ещё необходимо для посещения вашей планеты? – с невинным видом поинтересовался Луньмэнь. Мужчина проигнорировал ироничный ответ, попахивающий бородатой шуткой, и, какое-то время продолжая сверяться со своими данными, кивнул:

– Проходите.

*** **

– Объект – в зоне видимости. Жду Ваших дальнейших распоряжений, – доложил по-рабочему исполнительный голос в наушнике внутренней связи.

Размышляя мгновение, Ий Тантопулас напряжённо придерживал наушник, но вскоре, поднеся к лицу манжет, сообщил в скрытый передатчик:

– Продолжайте наблюдение. Действуем строго по плану.

– Есть!

Офицер вздохнул. Слишком велико было искушение послать всё начальство с их особыми директивами к чёртовой матери и начать перехват. Хочется – но нельзя. Слишком людное место, слишком многие невинные граждане могут пострадать. С другой стороны, а сколько их уже погибло по вине этого отморозенного выродка? И сколько ещё погибнет, если они его сейчас упустят?

Возможно, Тантопулас не видел всей картины. Возможно, через этого наёмного убийцу собираются выйти на сеть его поделщиков и прихлопнуть более крупную рыбу. Возможно. Но, скорее, тут, как обычно, была замешана банальная поли-

тика: прикрытие собственных задниц, коррупция, устранение личного конкурента руками известного рецидивиста, проходившее под эгидой интересов общественной безопасности.

Убийца ещё не связался со своим информатором, который должен сообщить ему сведения от заказчика, а Военной Жандармерии уже известно имя жертвы – сеть осведомителей не дремлет.

И этот «клиент» – весьма влиятельная фигура в местном криминальном и политическом социуме: частный предприниматель Джебраил Хасфат, известный в определённых кругах как «Шейх».

Насильственные поглощения, корпоративный шантаж, заказные убийства, рэкет, игорный бизнес, нелегальная проституция (отличающаяся от легальной отсутствием лицензии и невыплатой налогов), чёрная трансплантология – это и многое другое считалось мелочью на фоне его сотрудничества со Звёздным Халифатом, засланным казачком которого он, по сути, и являлся.

Если, к примеру, день города проходил без единого взрыва, – это уже считалось единственным критерием успешно проведённого праздника.

Вполне возможно, кому-то наверху просто выгодно, чтобы сначала синтез осуществил свой заказ, чтобы затем уже брать его и самого с потрохами. И дело здесь не в том, что так было бы проще, лучше или справедливее: можно пря-

мо сейчас брать первого, можно прямо сейчас брать второго, но Шейх, начав колотья, сдал бы с потрохами массу подельников, включая не только местных влиятельных олигархов, но также и высокопоставленных офицеров Военной Жандармерии. Куда ни глянь – одни продажные шкуры.

...Ий уже собирался перевести взгляд на дисплей бортового компьютера, когда необходимость в этом отпала: теперь уже цель была в пределах его видимости. Показавшись из здания космопорта, невзрачный азиат направился вдоль аллеи, не обращая внимания на манящие рекламные голоэкраны и вездесущие робокиоски, убеждающие всеми правдами и неправдами приобрести путеводные буклеты и сувениры на память.

Казалось бы – лицо из толпы. Ничего особенного. Но инспектор Тантопулас знал, что за этой новой личиной скрывается опасный зверь с искусственными чувствами, лишённый души.

Кто знает, сколько ещё таких хладнокровных убийц гуляет на свободе среди нас? Они не растут на деревьях, одеваются как и все и не выглядят как-то по-особому: изображая обычную жизнь, они точно так же завтракают по утрам, ложатся спать, ходят на работу, смотрят вечерние выпуски новостей...

Но вместе с тем – у них есть двойное дно. И дело даже не в том, каким образом кто-либо из нас появился на свет: рождён от папы с мамой, выведен в искусственной матке,

собран инженерами в рабочем цеху – у каждого профессионального убийцы существует некий врождённый дефект. Брак. Поломка, если хотите.

Офицер Военной Жандармерии не имел ничего против жестокости и убийств как таковых – он был против неоправданных, немотивированных, беспричинных убийств и жестокости.

По долгу службы ему неоднократно приходилось выслеживать кого-нибудь, и, если произвести арест не удавалось, а преступник или враг на поле боя оказывали сопротивление, их приходилось убивать. Быстро, без колебаний, беспощадно.

Ранее, во время войны Альянса Человечества со Звёздным Халифатом, Ий был готов добивать собственных раненых на поле боя, чтобы они, угодив в плен к врагу, не выдали стратегические тайны; убивать детей и женщин, способных поднять шум и сдать с потрохами его диверсионный отряд. Не действуй он столь радикально – это стоило бы пусть и не провала войны, но, как минимум, провала тщательно спланированной операции.

Но совершать убийства ради убийств, да ещё и испытывать из-за этого удовольствие – Тантопулас этого не понимал. Не то чтобы порицал, не мог простить или оправдать – просто не мог понять.

То, что под давлением обстоятельств он всё равно поступил бы так, как велит ему долг, – вопрос другой, но ради со-

вершения многих поступков ему приходилось преодолевать себя, переступить черту, шаг за шагом искореняя в себе человека.

Убивая другого, ты невольно убиваешь в нём частицу себя, даже если убиваешь полную мразь, поедающую на завтрак грудных младенцев. Когда убийство перестаёт быть чем-то табуированным, когда смерть не является более чем-то сакральным, когда, как в том старом анекдоте, на вопрос «Что вы чувствуете, стреляя в людей?» ты искренне отвечаешь: «Отдачу», – ты уже другой.

Вроде бы: то же тело, то же лицо, те же глаза. Но того человека, который когда-то существовал, больше нет. Взгляд уже не тот. Это взгляд того, для кого убийство стало ремеслом: он берёт в руки оружие точно так же, как художник – кисть, или уборщик – метлу, и просто занимается рутинной.

Неважно, насколько заслуживали смерти подонки, жизнь которых ты забирал, – будь ты хоть двести раз прав, это оставляет на тебе неизгладимый отпечаток. А если же нет – то ты и не был человеком изначально.

Пожалуй, это – и есть настоящее самоубийство. Ведь смерть – это состояние души. Категория сознания.

...Ли Лунмэнь, как он теперь представился принимающему терминалу, двигался естественно и неторопливо. Судя по всему, он съел наживку, поверив, что обошёл охранные системы сканирующего модуля космопорта.

Что ж, интересно, что происходит там, в этой искусствен-

ной голове? Какие мысли порождает позитронный мозг? Какие чувства живут за пустым взглядом микросхемированных глаз? Быть может, он способен перехватить сообщения даже с кодированной волны?

Синтет повернул голову в сторону гравикара инспектора, и на какое-то мгновение офицеру показалось, что машина читает его мысли, хотя понимал бредовость подобного предположения.

Нет, конечно же, Пси-Комиссариат разрабатывает проект по созданию синтетических экстрасенсов, но пока что эти идеи ещё далеки от воплощения.

Достав из нагрудного кармана пиджака серебряный портсигар, синтет закурил. Косит под человека? Зачем? Или это такой сигнальный знак? Вот ведь удобно: говорят, его датчики способны регистрировать и воспроизводить всё то же самое, что ощутил бы в подобном случае обычный человек, что подтверждается опытом достижений в кибертрансплантологии в целом и обитателей Трансгуманистической Коммуны – в частности. И, главное, – ни тебе рака лёгких, ни ещё какого дерьма, разве что запах не сразу выветрится.

Тем временем за его спиной прошла довольно шумная пара – женщина с плачущим ребёнком. Офицер не слышал подробностей их оживлённого разговора (да, впрочем, и не пытался в это вникать), однако же заметил, как ребёнок с досадой отшвырнул что-то на тротуар, и этот странный предмет, по странному стечению обстоятельств, упал прямиком возле

ног синтета.

Проводив мамашу с орущим дитём холодным взглядом, Лунмэнь, не вынимая сигары изо рта, присел, неторопливо поднял сравнительно небольшой блестящий предмет.

Это уже было интересно.

Переключив внимание на дисплей, Тантопулас приблизил изображение и, получив отчётливую картинку, задумчиво прикусил нижнюю губу.

Игрушка. Обыкновенный карманный автоматон. Только поломанный и нефункционирующий. Однако – не следует судить о книге по обложке: быть может, что-нибудь интересное находится внутри, раз уж передачи, которую жандармы намеревались перехватить, пока не слышно.

– Четвёртый, проследите за женщиной и ребёнком, – на всякий случай инспектор счёл нужным перестраховаться.

– Есть! – коротко ответил наушник.

«Куклы. Я их уже перерос, а у тебя, наверное, и детства-то никогда не было. Ну что же, сыграем», – не сводя взгляда с дисплея, размышлял про себя Тантопулас.

Однако – ничего интересного не происходило. Во всяком случае, если синтет и собирался извлекать что-либо из игрушки – то явно без посторонних глаз.

Докурив, синтет зашвырнул окурочек в энергоконвертирующую урну и убрал автоматона в карман пальто, накинутого поверх пиджака.

Развернувшись, он направился в сторону живописного

парка, предназначенного, в первую очередь, непосредственно для туристов, где, согласно наводке, и должна была состояться встреча Лунмэня со связным.

– гра начлась, – промолвил над ухом незнакомый голос.

И а

Вздрогнув и едва не словив инфаркт, мужчина на автомате выхватил своё табельное пульсовое оружие и резко обернулся.

На заднем сиденье гравикара удобно располагались два незнакомых человека в чёрном. Один – широкоплечий и приземистый – смотрел в окно, будто бы и не замечая присутствия инспектора, в то время как второй – высокий и нескладный – со снисходительно приветливой улыбкой глядел в направленное на него дуло пистолета.

Создавалось впечатление, будто они сидели здесь уже давно, гармонично вписываясь в антураж полицейской машины.

– Нлад но, гос пдин инспък тор, – с причудливым акцентом промолвил незнакомец, буквально насилуя нормальную человеческую речь (ненужные паузы, неправильные ударения, резкие перепады тембра), – Выи простнье можетьна убить. **у о е а е у**

– Депр тамнт Галк тичской Безо паснсти, – по-прежнему не глядя на Тантопуласа, второй продемонстрировал руку, на которой имелся специальный перстень. **а е а е о**

Такие печатки выдают только особым сотрудникам, действующим в интересах Пангалактического Альянса – в них

имеются мемодиски, содержащие огромные пласты информации, и сами перстни, в большинстве случаев, способны сохраниться в самой неблагоприятной среде, чтобы можно было опознать останки агента.

Посторонний – тоже не сможет их надеть без вреда для здоровья: у них имеется встроенная защита, выявляющая генетический маркер, или как-то так, – инспектор знал об этом исключительно понаслышке.

Разумеется, Тантопулас, как и все, был хорошо наслышан о них: галактическая полиция, формально подчиняющаяся непосредственно Консультативному Совету Пангалактического Альянса, по факту – закрытая структура, элита которой подотчётна одним лишь аймурам, наиболее древней из известных на данный момент рас.

Столько противоречивых легенд и мифов связано с ними: они – не люди, не представители других известных видов, а вообще непонятно что, не то созданное аймурами, не то сами аймуры, принявшие для разнообразия подобную форму; они способны материализоваться из волн, не то принимая любые удобные для них в данный момент вид и форму, не то внушая их; их не берут никакие оружия; они способны проходить сквозь стены; свободно читать чужие мысли, как свои; неожиданно появляться в любом месте и также стремительно исчезать...

...Да и много вообще всего настолько противоречивого, что сложно отделить: где здесь правда, а где вымысел.

Но иметь с ними дело непосредственно – прежде не доводилось. Во всяком случае – теперь представилась возможность подтвердить или опровергнуть справедливость некоторых предположений.

И одно уже выявлено – возникли они и вправду весьма эффектно.

Голос предательски дрогнул, срываясь на крик, и прозвучал весьма неуверенно, а сердце – бешено колотилось, не успев отойти от недавно пережитого шока:

– Мать вашу щупальцами! Вы кто?! Откуда?! Зачем?!

– Мы же прд ставлись, – флегматично заметил приземистый. – Ес лхтите пд робне: инспек тры – Тау и Сигма. Семь сот втрое отделе не. Пер вй урвень допска! *у е и и о о е о о и ы о у*

– Мы здьесь – по дьелу, – всё с той же раздражающей улыбкой заметил первый.

«Собачьи дети. Так и не ответили на вопрос», – постепенно приходя в чувства, заметил про себя Ий.

– Вьерно, – кивнул высокий.

– В смысле? Что верно? – вновь растерялся инспектор.

– В смысл— да, – кивнул тот снова. *е*

– Так... Я не понял, вы что, ещё и мысли мои читаете?! – с возмущением воскликнул Тантопулас: подобное ментальное сканирование являлось грубейшим вторжением в личное пространство, частную жизнь, да и вообще – вопиющим нарушением его основных гражданских прав.

Право неприкосновенности мысли!

– В этом нет необходимости, – тем временем заверил его высокий непрощенный гость. – Вы просточнь громко ду мает.
о о и о е е

– Это нас немн жчко раздр жат, – отметил второй. *о о е а е*

– Чёрт! Да вы вообще по-человечески разговаривать умеете? Как вас там отбирают с такой дикцией? Уж я-то думал, в Департаменте работают элитные профессионалы, – по-прежнему без особого воодушевления раздражённо заметил Ий.

– Пта мся. Мы обща мся меж д с бой свсем наче. Это— дань уваженья к вам. Что пделать! – виновато развёл руками первый. *ы е е о о и о а о у*

– Объект вышел на связь с предполагаемым связным, – меж тем возвестил ровный тембр в наушнике.

Задание. Точно. Всё из головы вылетело. Всё идёт наперекосяк.

Пару мгновений Тантопулас находился в некоторой про-страции но, вспомнив, что должен ответить, опустил пульсо-мёт, сообщив своему сотруднику:

– Пробейте связного по базе данных... Не упустите из виду...

«Что за бред? Это ведь ежу понятно. Ум за разум заходит», – отметил про себя инспектор и, громко выдохнув, добавил:

– Продолжайте.

Так, всё, пора брать себя в руки.

Подняв глаза на притихших агентов Департамента, Тантопулас заметил:

– У нас, в данный момент, проводится серьёзная операция, едва не сорванная из-за вашего появления. Вы как-то можете это прокомментировать?

– Тьепер ваша операция – будет ет проходить под нашей юрисдикцией. С вашим команд ванием – же согласо вно, – как ни в чём ни бывало ответил высокий агент. – Естественно нкто нмог оповстить вас зара нее. Инче это не был бы секретнй операцией. *е о е и о а и е а о о и у е е*

«Да он же просто издевается, – начиная ненавидеть манеру речи говорящего, обозлился инспектор, на миг забыв о том, что странные визитёры способны считать его мысли. – Либо у них тут свои интересы, либо они не желают допустить двойной игры со стороны штаба нашей агентуры. Либо – и то и другое».

*** **

Как бы то ни было, Лунмэнь направлялся в сторону гостиницы, держа в руках крошечную игрушку. Время от времени он переводил взгляд на мелкого изувеченного страдальца, словно бы ожидал увидеть что-то новое. Нет, самая заурядная кукла, какие штампуются в огромных количествах по всему Освоенному Космосу и продаются в каждом киоске за цену, которая будет по карману даже бомжу. Другое

дело, что не всякий божж станет брать куклу и играть с ней. У этого автомата заложено ряд простых алгоритмов, в соответствии с которыми он должен развлекать и ненавязчиво обучать ребёнка, при этом ни в коем случае не причиняя ему вреда. Игрушка должна защищать себя от поломок и, по мере возможностей, самостоятельно устранять любые неисправности, но это – не приоритетная цель. На первом месте – воля владельца. Кто куклу покупает – тот её и баюкает.

Бывают куклы-дочки для девочек, которые должны стимулировать у владелиц чувство материнской ответственности и обучать развлекая. Есть куклы-солдатики, которые понарошку воюют и сражаются. А это – какая-то обезличенная игрушка. Корпус – дешёвый, комплектующие – примитивные. Стоит гроши, потому поломать и выбросить – не стоит ничего.

Лунмэнь недобро усмехнулся. Точно так же судьба поступает со многими: играет, словно капризный ребёнок, а как ломает куклу – прочь на свалку жизни. Но если даже синтез порой ощущает себя песчинкой Бытия, то что уж говорить об этом экземпляре? Этот автомат, конечно же, не очень умный, но умеет обучаться. В него заложены кое-какие чувства. Он умеет заботиться о владельце, умеет бояться, чувствовать боль. Всё это у него имеется, потому что таковы заводские требования, хотя – на рынок сейчас поступает немало бракованных подделок.

Со стороны могло показаться, что синтез всего лишь бесцельно слоняется по улицам, но на самом деле он уже сейчас был занят работой. Изучал местность. Возможные пути засад и отступления. Удобные огневые позиции. Сведения об окружающей обстановке вообще.

Он знал, что за ним ведётся слежка, и уже обрабатывал сигналы ведущихся переговоров. Но вместе с тем понимал, что это – не более чем наживка, на которую могут взять разве что дилетанта.

Очевидные шпики, несмотря на все приложенные ими старания, палились сразу. Скорее всего, их использовали вслепую. Но эта очевидная слежка должна была отвлечь внимание Лунмэня от настоящей, проходившей более деликатно и осмотрительно.

В то время, как планетарные службы безопасности ожидали от него проявления чудес инновационных технологий и были готовы перехватить и транскодировать любой замысловатый сигнал посредством дорогостоящих программных утилит, – он давно уже получил все необходимые ему сведения простым и надёжным способом, не связанным с какими бы то ни было гаджетами.

Сложное сообщение выстраивалось из множества маленьких, рассредоточенных то здесь то там, не говоря ничего тому, кто не был знаком с этой системой семиотических обозначений. Определённое растение в определённом окне определённого этажа; определённая цена определённого то-

вара на витрине; определённая мелодия на рекламном щитке; и так далее, и тому подобное – и Ли Лунмэнь уже знал всё, что необходимо ему для выполнения задания.

Итак, официально «клиент» находится в месте лишения свободы. Формально это, конечно же, тюрьма, но для сильных мира сего – обстановка там как на курорте. Тут тебе и личный бассейн с массажистами, и спортзал, и личный врач – прямо как в игрушечном домике Барби. Любой каприз – за ваши деньги. Но клиент – фигура осторожная. Охраняют его так, что с боем просто так не пробиться. Посторонних к нему не подпускают. Единственные, кто время от времени его навещает – это его личные адвокаты. Ну, как «адвокаты»: на одного настоящего высококлассного специалиста-адвоката, способного вытащить кого угодно и откуда угодно, приходится десятки лиц с юридическим образованием, по факту занимающихся оказанием эскорт-услуг – для свидания с адвокатом полагается отдельное помещение с приватной обстановкой. Для синтета это означало возможность незаметно похитить какую-нибудь барышню, запустить в её тело биониты, которые просканируют её от и до, и, изучив как следует, ликвидировать, после чего портативный генератор материи воссоздаст имитацию плоти и нарастит её вместо поднадоевшей личины азиата. После этого можно будет пройти к клиенту, обманув искинтов и системы слежения так же, как в космопорте, и убить Хасфата тем же образом, что и попутчика на космолайнере. На что, в конце

концов, не пойдёшь ради дела – у синтетов нет ни пола, ни возраста, ни принципов.

Но, на самом деле, это всё было хитроумно расставленной приманкой, в которую андроид вполне мог бы угодить с головой, если бы не полученная им сводка: в тюрьме содержался не настоящий Хасфат, а всего лишь синтет, принявший облик Хасфата, в то время как тот находился под колпаком у спецслужб, собиравшихся сначала задержать Луньмэня, не дав ему самоуничтожиться, а затем, выудив из него всю полезную информацию, избавиться от обоих.

Это означало лишь то, что от опытного убийцы потребуется намного больше опыта и сноровки, чем обычно. Но ничего невыполнимого в этом, опять же, не было.

Вообще наёмных убийц можно было поделить на несколько категорий.

В первую категорию входили малоимущие дилетанты, уличный сброд, который шёл на кровавое дело за самое скромное вознаграждение: наниматели могли расплатиться с ними вместо денег натурой, или услугами, а то и банально кинуть, или даже убить, заматавая следы; хотя, вместе с тем, не имея профессиональной выучки или особого арсенала технических средств, эти индивидуумы зачастую проявляли высокую изобретательность.

Ко второй категории относились рядовые бандиты, а также военные и полицейские, имевшие доступ к оружию и обладавшие определёнными связями, несколько упрощав-

шими работу: как правило, это были непрофессионалы, работавшие грубо, из раза в раз использовавшие один и тот же инструмент, будь то штатный пистолет или что-нибудь ещё в таком духе. А если они и не были настолько глупы, чтоб пользоваться одним «палёным» оружием, по крайней мере использовали один вид оружия без учёта контекста обстоятельств. Им могли поручать несложные задания, не требовавшие особой оригинальности, но в случае с деликатным делом, где вместо тесака мясника должен был сработать скальпель хирурга, – они явно не подходили.

Начиная с третьей категории, – шли профессионалы экстра-класса: подобные специалисты проходили подготовку в специальных школах и в дальнейшем уже не принадлежали себе. Они никогда не выходили на нанимателей лично, как и не видели в глаза своё начальство – для всех сделок и приказов существовали свои посредники, знавшие лишь отдельные фрагменты мозаики. Услуги подобных специалистов стоили недёшево и были доступны далеко не каждому желающему, но лишь узкому кругу проверенных и платёжеспособных нанимателей; поэтому заказчики не мелочились, выбирая мишенью лишь достаточно крупную рыбу. Политики, криминальные авторитеты, состоятельные персоны, живущие порой на персональных планетоидах с целой армией охраны – были жертвами не из лёгких, но и оплата соответствовала сложности исполнения.

Получив заказ, исполнитель был должен провести сбор

сведений о будущем месте действий, личности жертвы и всём том, что так или иначе может сыграть свою роль. Распорядок дня, маршруты, контакты, состав телохранителей, и так далее, и тому подобное... Убийца должен был действовать продуманно и расчетливо. Довольно часто ему приходилось подкупать кого-либо из прислуги, охраны или окружения жертвы; оплачивать услуги осведомителей; осмотрительно договариваться через надёжных посредников с теми, кто мог бы решить определённые проблемы (такими людьми могли быть чиновники, полиция и т.д.); учитывать возможности отхода на случай провала.

В некоторых случаях ему могла потребоваться помощь кого-нибудь из коллег по цеху, а в наиболее сложных ситуациях – целой группы поддержки. Вместе с тем убийца должен был добраться до места, снять номер, какое-то время проживать там, изучать обстановку перед началом действий; какое-то время создавать видимость пассивности и безразличия, чтобы сбить с толку, отвести подозрения и притупить бдительность; проверив возможную слежку, подставу, перестраховаться и подготовиться. Ему были необходимы, как минимум, два жилья – то, где предстояло обитать до выполнения контракта, и то, куда необходимо было перебраться, чтоб отсидеться после. Некоторые структуры специально содержали в крупных городах по нескольку гостиниц, для видимости выполнявших свою заявленную деятельность, при этом служа оперативными квартирами для убийц (в слу-

чае с правительственными исполнителями – это, как правило, вопреки стереотипам, были не представители спецслужб, а штатные военные специалисты).

Аналогичным образом одно и то же оружие не должно было использоваться при выполнении двух разных заказов – от него избавлялись сразу же по устранении объекта, но оружие было недёшево.

Какие-то средства убийца тратил на временное проживание и поддержание оперативной легенды. Словом, куда ни плюнь – требовались расходы и подготовка.

Разумеется, существовали ещё и специалисты супер-экстра-класса – например, телепаты, так называемые «психические террористы», способные убивать на любом расстоянии силой мысли; но, разумеется, на любое копьё – находился свой щит, как и на любой щит – своё копьё. Подобных спеццов существовало не так уж и много; а при несоблюдении ими всех надлежащих мер предосторожности – они могли разбить мозги в фарш о ментальный барьер, сооружённый другими мастаками, или выдать себя, став из охотника добычей хищников позубастее и позлее.

Лунмэнь относился к специалистам из третьей категории и, ввиду отсутствия каких бы то ни было экстрасенсорных способностей, полагался на своё нестандартное мышление, рабочий арсенал и возможности, предоставляемые функционалом андроида...

...Изучив то, что казалось ему необходимым и возмож-

ным на данный момент, он принялся просто прогуливаться по городу. Осматривать улицы, парки, рекламу, подворотни, кататься на общественном транспорте, прохаживаться по магазинам, обзаводясь бытовыми мелочами, сувенирами и прочими безделушками. Разумеется, отчасти лишние действия должны были запутывать слежку, но, вместе с тем, синтезу просто хотелось убить время и развеяться. Планетарное вещание, транслирующееся прямо в его позитронном мозгу, не сообщало сведений, которые, на первый взгляд, могли быть полезными по текущему делу. Но, вместе с тем, какие-то брошюрки, передачи и новости показались Луньмэню в достаточной мере интересными. Ему не составило бы труда, например, загрузить в своё сознание сотни тысяч фильмов или содержание миллионов книг за сотые доли секунды; и, когда дело касалось совсем уж занудных технических инструкций, так и бывало; но, вместе с тем, если дело касалось художественных произведений или религиозно-философских трактатов, он предпочитал тратить время подобно обычному человеку, придавая высокое значение тем мыслям и идеям, которые возникали у него в процессе.

Конечно же, по меркам Альянса Человечества, не говоря уже о галактических масштабах, центр города представлял собою весьма и весьма убогое зрелище, которое, впрочем, выглядело сносно на фоне захолустных окраин. Создавалось впечатление, словно бы странник переступил невидимую черту, разделявшую целые эпохи, и оказался в седой

древности, когда на Земле ещё даже не существовало персональных компьютеров.

Обшарпанные облезлые здания, чем-то напомнившие синтезу собак, страдающих лишаём. Из-за некоторых окон падает тусклый свет. За другими так и вовсе зияет непроглядная тьма. На грязных улицах порой встречаются нищие. В тупике, который когда-то был частью оживлённой улицы, располагается давно не используемая остановка. Возле неё стоит разбитый гравиавтобус. Он не ездит уже веками. Зато – в нём спят бомжи.

Испуганный пёс поскорее убегает прочь, заметив приближение припозднившегося путника. Синтет продолжает углубляться дальше. Налицо следы военных действий, проходивших в далёком прошлом. То здесь то там он встречается полузаброшенные покосившиеся домики. Изредка попадаются уродливые животные или местные жители с ярко выраженными следами морального, интеллектуального и физического вырождения. Синтет один, он не держит оружия на виду, но местные не пытаются приставать к нему или прекрывать его путь.

Что ж, как быть? Простор для работы огромный. В арсенале, ожидающем в оперативной квартире, есть и генератор биоматериала, для наращивания новой плоти, и нанострунная гаротта, и ампулы с нано-роботами, и прочие инструменты, полезные в нелёгкой работе профессионального убийцы. Для начала можно похитить одну из «адвокаток»

Хасфата. Дело в том, что заключённым положены свидания тет-а-тет со своими адвокатами, и у влиятельных людей зачистую наравне с профессиональным юристом есть целая бригада обычных проституток с юридическими дипломами.

Ну вот, эту девочку выкрадут, что дальше? Запустить нано-боты, собрать информацию от ментакопии сознания до подробных данных об анатомии. После этого убийца в очередной раз сменит «личину» и перестрашует, переработав ненужного свидетеля в биореакторе. Затем – дело техники: конечно, полицейские программы могут выявить рядового синтета, но их можно дистанционно взломать и обмануть всех ровно на то время, которого будет достаточно. Вот если вместо Хасфата спецслужбы задумали подsunуть в камеру другого синтета с его внешностью, это будет номер. Но вряд ли они уже и до такого додумались...

...А с другой стороны, ну, будет выполнено задание – и что дальше? Не лучше ли всё бросить, перенести свой разум в крошечную куклу-автоматона, приобрести милый кукольный домик и поселиться в нём в своё удовольствие, перед этим инсценировав уничтожение основного кибертела?

...Нет, минутная слабость. Всё равно отыщут, и...

...В этот момент земля стала жидкой и растеклась, небо-скрёбы обратились в пыль, гонимую ветром, а небеса зарыдали дождём. Откуда-то сверху свалился человек в цилиндре, шлёпнувшись в воду и отбив себе пятую точку...

– Ну и дела, – проворчал он и, подобрав свой цилиндр,

вылил из него жидкость, вместе с которой выплыл игрушечный гуманоид.

Поохав, скиталец нашёл в себе силы подняться и побрёл, продираясь сквозь ливень.

– Нет, такие неустойчивые образы, стремительно вспыхивают и угасают. Но, в любом случае, для меня в этой истории места нет. Ну, зачем в киберпанке человек в цилиндре? Скорее уж отправили бы меня в какую-нибудь Викторианскую Англию. С другой стороны, смотря ещё какой киберпанк... – на миг мужчина задумался. – Нет, нет, не моё...

Персонаж ещё некоторое время продолжал мокнуть, но дождь закончился так же стремительно, как и начался: просто у капелек выросли ножки и они разошлись, кто куда. В этот момент человек в цилиндре собирался произнести что-то весьма эпическое и остроумное, но вместо этого превратился в тумбочку. В скором времени на тумбочке открылась полочка и оттуда сначала вылетел цилиндр, затем показалась рука, а затем уже выполз и сам персонаж.

– Нет-нет-нет, – продолжал он, осматриваясь по сторонам. Благо смотреть было на что. То здесь то там расцветали и увядали истории. За ними нужно было ухаживать, их нужно было взращивать, но на одни у автора банально не было времени, в то время как другие этого даже не заслуживали.

– Да, что-то годится на запчасти. Что-то почти созрело. А что-то даже и спасать не нужно. Это тоже требует смелости: отказаться от уже готовой и оформленной вещи, когда

понимаешь, что она плоха, если не в плане формы, то в плане посылки, и принесёт читателю вред. Ладно, тут есть интересные истории, но я не вижу в них себя. Но так нельзя, ведь я же есть! Персонаж – это тоже произведение искусства, но оно должно существовать в контексте произведения. Про меня забудут, если темы не найдётся. И всё. Нельзя же рвать личность на запчасти, или переиначивать, хотя этим занимаются сплошь и рядом, – пробираясь сквозь заросли словобуквенных конструкций, переступая знаки препинания, прорубаясь сквозь деепричастные обороты и нещадно топчась междометия, скиталец добрался до петляющего подъёма, ведущего в крутую гору.

– Кхм... Быть может, если я поднимусь, то смогу лучше осмотреться и выбрать направление, – предположил он. Но стоило сделать пару шагов вверх, как гора провалилась под землю и человек в цилиндре стремительно полетел вниз.

Вокруг него наблюдалось живописное небо, усеянное иссиня-розовыми облаками, а прямо под ним вместо бездонной ямы раскинулись клетчатые луга. Где-то на краю не то стола, не то поля, находилась широкая чашка, из которой поднимался пар. Чашку объезжала воинственная кавалькада. Посмотрев на часы, один из всадников отлепил солнце с небосвода, положив его в карман брюк, в то время как из нагрудного тотчас же вылетели светлячки, звёздной россыпью заполонив ночную мглу. Для многих близилось время сновидений, хотя некоторые предпочитали спать днём.

Глава 14: Кубореалист

От прежней живописи кубизм отличает то, что он не является искусством, основанным на имитации, но – на концепции, и стремится возвыситься до созидания.

Гийом Аполлинер

Пробив дыру в соломенном потолке, человек в цилиндре приземлился точно на поросшее травой и мхом кресло, ручки которого были увиты плющом, а ножки стояли в пруду. Неподалёку, на ветвях деревьев, звенели телефоны, сплетённые в брачных играх проводами. Эти самозвоны звонили то сами по себе, то друг на друга, не для того чтобы передать какое-то сообщение, а зачастую просто ради звона как такового. То здесь то там находились плохо проработанные плоские персонажи. Казалось очевидным, что их расплющило при падении: если бы везло всем и каждому, везения не существовало бы как явления.

В кустах неподалёку стоял рояль, за которым невысокий человек, совершенно случайно напоминающий Тулуз-Лотрека, наигрывал что-то из Сальери.

– И вот, – произнёс человек в феске, минуту спустя свалившийся с неба напрямиком на диван напротив. – В этот момент я совершенно отчаялся. Как только я ни изощрялся, у меня неизбежно выходили натюрморты, пейзажи, портре-

ты, изображения обнажённой натуры. Я уже почти был готов смириться с тем, что мне никогда не дано стать художником-абстракционистом. Для этого я был слишком академичен. Ведь в семь лет я уже писал полотна как Рембрандт и Веласкес! Другие дети смеялись надо мной, и это понятно: писать как Рафаэль Пикассо умел с тринадцати лет, но ему потребовалась целая жизнь для того, чтобы научиться писать, как ребёнок. Да куда мне? Но кто запретит мне мечтать?

Тем временем человек в цилиндре понимал, что всякое описание или событие должно либо продвигать сюжет, либо раскрывать характеры персонажей, поэтому слушал внимательно. Как знать, быть может, это и есть его шанс. Неприятно было думать, что, пройдя так много, он, по сути, остался на том же месте. Или хуже, вернулся к тому, с чего начал. Круг замкнулся. Он по-прежнему бесполезный персонаж: без имени, истории и сюжета.

Кругом создаются, рушатся, расцветают и увядают истории. Возможно, так и сформируется новая. Или тоже растечётся, развеется на ветру, обратится в дым, не обретя чёткий контур.

– Сколько я себя помню, я всегда был реалистом. Да и как им не быть? Чем бы мы ни занимались, мы так или иначе повествуем о реальности, в том или ином её аспекте. И наше творчество, каким бы фантазмагорическим оно ни казалось, – тоже часть реальности. От этого никуда не скроешься. Прихожу я, бывало, в лесную чащу, приступаю к работе,

и тут – набегают сатиры, налетают амурсы, выплывают сирены, – ну что ты будешь делать?! Приходится зарисовывать всё, как есть, – сетовал тем временем художник. – И тогда я решил, что всё, хватит. И решил попробовать свои силы в кубизме. Но прежде у меня никогда не было подходящих натурщиц. Я опубликовал объявление, пришли многие. Всё было не то. И тут пришла . Нимфа. Красотка. Чаровница. С квадратной грудью, прямоугольными зубами и треугольными глазами. С манящими бездонными ноздрями на половину лица. Геометрически идеальная. Кубически разложенная. Красота неопишуемая! Злые языки говорили, что она пришла в живопись через пстель Пикассо, но это было для меня не важно. Я старался никогда не расспрашивать её о том, что было до меня... *она а*

– И что потом? – поинтересовался человек в цилиндре.

– А потом... – художник вздохнул. – Потом она ушла от меня в поп-арт...

– Сочувствую. Но, во всяком случае, у тебя есть своя история. А у меня её нет. Я просто возник здесь, и с тех самых пор скитаюсь как неприкаянный... – сняв и протерев свой монокль, человек в цилиндре водрузил стекляшку на место и пересказал события, свидетелем которых ему пришлось быть, вплоть до приземления в кресло. – ...А потом ты ответил мне, что она ушла от тебя в поп-арт. После чего я ответил тебе...

– Спасибо, я знаю, что ты ответил, – заверил кубореа-

лист. – Ну, так или иначе, мне кажется, что твоя проблема надуманна. Ко всему нужно относиться проще. По сути, ты встрял в такое большое количество историй... К лучшему или к худшему, ты повлиял на многие жизни и судьбы, чему-то научил других и что-то вынес сам. Всё это время именно ты находился в фокусе повествования. Ты был главным героем истории, и вся эта история была о тебе.

– Обо мне? – растерянно поправив цилиндр, промолвил скиталец, а монокль даже выпал у него из глаза.

– Ну, а о ком же ещё?! – настаивал художник. – Может быть, сюжета в традиционном понимании в твоей истории не было. Но сама история, так или иначе, несомненно, была. Так что, если хочешь, на этом можешь считать свои поиски завершёнными.

– Нет, нет и нет! – с возмущением сотряс тростью человек в цилиндре. – Так не пойдёт! Это было бы слишком просто, формально и наигранно. Нечестно и по отношению ко мне, и по отношению к читателю. Мне хотелось бы для себя какой-то пусть даже и не особенно замысловатой, но своей, отдельно прописанной истории.

– В этом-то и заключается твоя проблема. Ты слышишь, но не слушаешь. Ты смотришь, но не видишь. Всего мину-ту назад ты был разбит горем из-за того, что у тебя нет никакой истории вообще, а теперь начинаешь крутить носом, желаешь выбирать, начинаешь чего-то хотеть и требовать. История есть. Она самобытная, достаточно интересная и це-

лостная. Но просто лично тебя она не устраивает. Ты желаешь чего-то другого, чего-то менее очевидного. А это уже другой момент. Тут включается твоя вкусовщина. И если ты сейчас пройдёшь мимо, то не потому, что тебя кто-то гонит, не потому, что у тебя нет другого выхода, а просто из-за собственного решения. Здесь есть вступление, конфликт, завязка, развитие, кульминация, развязка, заключение и даже факультативная композиция. А тебя, видите ли, не устраивает. Ах, извините!

Задумавшись на некоторое время, человек в цилиндре нехотя признал, что в словах кубореалиста есть свой резон. Да, так или иначе, все встреченные им по пути истории по сути формируют одну большую историю. Эдакий шкатулочный или рамочный роман. Да, в известном смысле, – это тоже история, в которой тоже есть развитие. И в этом контексте она является пусть и не вполне традиционной по форме, но достаточно традиционной по сути. Хотя и с этим тоже можно поспорить.

Формально он мог бы согласиться с приведёнными доводами, и за это его никто бы не осудил. Но сам он видел в этом какую-то трусость и нежелание продолжать путь. В его понимании, это было примерно то же самое, как, если в ответ на слова о том, что из ребёнка нужно вырастить настоящего человека, кто-то взял бы анатомический атлас, начав доказывать, что по формальным признакам он уже является особью человеческого вида. Но речь-то совсем не об этом! Это

как сказать: «Зачем тебе жена, когда слон больше и спокойнее?».

Другой, не менее фальшивый и притянутый за уши, но при этом столь же навязчиво просящийся вариант также маячил где-то на горизонте. Если первый вариант есть отказ от пути и борьбы, то второй – путь ради пути, борьба ради борьбы, и прочие – «смысл моей жизни был в поиске смысла жизни». Нет, такую избитую банальщину, халтуру и притворство человек в цилиндре решительно отвергал.

– А можно хоть минуточку без авторских комментариев? Да? Спасибо, – вздохнул он и, покачав головой, подытожил: – Нет, пусть это и рискованно, но так легко я не успокоюсь. За право быть личностью нужно бороться. Его нужно заслужить.

– Вечно вы любите всё усложнять, – проворчал кубореалист. – Когда говорят о судьбе, предназначении, смысле жизни, то каждый воображает о себе нечто значительное и глобальное, непременно затрагивающее судьбы всех и каждого. Никто не желает смириться с тем, что лично он должен заниматься делом тихим, скромным, почти незаметным, не ставящим его в центр внимания и во главу угла, но от этого не менее важным. Ну, почти никто. А ведь именно в этой простоте и есть подлинное величие. Ты думаешь, для того, чтобы стать личностью, непременно нужно покорять крутые горы, лезть в пасть крокодилу и убивать себе подобных в сражении? Для многих это по сути является пусть и рискован-

ным, и сложным, но всё-таки развлечением и желанием что-то себе доказать. Прежде всего себе, а потом уже – окружающим. И обладая властью, влиянием, возможностью преодолевать препятствия и навязывать свою волю другим, на деле они слабы. И боятся себе в этом признаться. В основе их действий лежат гордыня, трусость и леность, по причине которых они готовы дойти до края света, одолеть несметные полчища и броситься в бездну, но не исполнять тех простых и нужных вещей, ради которых они были созданы и призваны в этот свет.

В ответ человек в цилиндре лишь недовольно крикнул.

– Ну, что ж, вижу, тебя не переубедить. Вольному воля: я и не должен бить себя пяткой в грудь и что-то доказывать тебе с пеной у рта. Может быть, когда-нибудь ты ко мне прислушаешься. Может быть, и нет. Во всяком случае, у тебя стали проявляться черты личности... Будешь чай? Горячий, кубический. Готов биться об заклад, ты никогда ещё не пробовал кубического чая, – неожиданно предложил художник.

– Нет, спасибо, воздержусь, – поблагодарил человек в цилиндре, на миг представив, как, отведав подобного чая, он превратится в «Потрет философа» Любови Поповой, весьма знаменитой ученицы Малевича. Попрошавшись с художником, он продолжил свой путь, полный тягостных мыслей и раздумий.

Глава 15: Пень-колода

*Я реалист и не могу закрывать глаза
на сюрреализм жизни.*

Станислав Ежи Лец

Домик на дереве. И ещё один. И ещё. Их так много, что они составляют целый город. Даже больше. Целую страну! Впрочем, а что в ней делать? Да то же, что и везде.

Человек в цилиндре остановился и огляделся. Быть может, ему не стоит блуждать в поисках подходящей истории, встречая не в своё дело то здесь то там? Может быть, нужно остановиться здесь, или где-то ещё, и творить свою историю самому? Ни на кого нельзя в этой жизни надеяться! Ну, или можно, но не на всех и каждого. Может быть, тут и есть история, где кто-то страдает один, в беде, без друга и понимания. Но где отыскать такую историю? Может быть, кто-то ищет настоящую любовь. Может быть, другие беспризорные персонажи, обделённые именами и историями, точно так же слоняются в поисках лучшей доли и им стоит объединиться, придумав что-нибудь вместе?

Да где их только искать? Ау! Ау! Нет, никто не отзывается. Впрочем, подобное притягивается к подобному. Но как быть, если ты – бесподобен? Да, задачка..

Прежде всего нужно определиться с тем, каким должно быть искусство, которое будет приемлемо. А то история ис-

тории рознь, знаете ли. Лучше не существовать вообще, чем исполнять главную роль в какой-то невообразимой гадости.

Искусство не должно быть бездуховным или, тем паче, антидуховным. Нет никакой смелости самовыражения в том, чтобы быть скотом и потакать любым своим низменным прихотям напоказ. Свобода выражается ещё и в праве добровольно возложить на себя обязательства, работать над собой, отстаивать помянутые идеалы.

– Если абсент, дурмящий дым и разврат – это три кита, на которых стоит кичливое антиискусство, цилиндра моего там не будет, – решил для себя скиталец. – А если даже того там и нет, но есть иные скатологические непотребства, пусть это всё плывёт мимо меня. Конечно, компост тоже необходим, но не в таком количестве, чтоб похоронить под ним растения. Сюрреалисты? А чт сюрреалисты? Провозгласив свободу ото всяких ограничений в творческом порыве: эстетических, психологических, морально-нравственных, религиозных и политических, – они на практике расходились с теорией; просто вместо одних ограничений они на деле сотворили для себя другие. Дали, конечно же, сам хорош, но всё-таки возмущался, что о Боге там разрешалось говорить только богохульства, о политике – не задевая Ленина, коммунизм и пролетариат, в психоанализе – внимать каждому слову Фрейда, как истине в последней инстанции, и далее в том же духе. Нет, нет и ещё раз нет. Мой неосюрреализм таким не будет. В гробу я видел ваш психологиче-

ский автоматизм и simultанность. И не надо мне тут цитировать Фейербаха и Бергсона! Ваша десакрализация сводится к простому: «Обещают и свободу, будучи сами рабы тления; ибо кто кем побеждён, тот тому и раб». Вот психологический полуавтоматизм – другое дело. Не скотская разнузданность, «простейший акт сюрреализма», по Бретону – выйти с револьвером на улицу и стрелять в толпу наугад. Нет. Такие, если увидят на трансформаторной будке надпись «Не влезай, убьёт!», уже орут о несвободе и ограничении. Да у них же мечта всей жизни залезть в трансформаторную будку! Быть скотом и агрессивно навязывать свою блевотную лужу окружающим – это их «право свободного индивидуума, отсутствие навязанного контроля и ограничений для личности». Что ж, ничего, кроме деструктивности и эпатажа, они предложить не могут. Мы пойдём другим путём. ◉

Выйдя на полянку среди древодомиков, человек в цилиндре присел на пенёк.

– Ладно, это идеологический момент. А что до формы? А формальный аспект достаточно простой: история должна иметь необычное название, начинаться неожиданным образом с первой же фразы, получать неожиданное развитие и столь же неожиданный финал. Необычный персонаж в необычных обстоятельствах. И персонажем может быть кто угодно, что угодно, хоть пробка от бутылки. Всё смещается, переставляется, переворачивается с ног на голову, но это не самоцель, а лишь средство выразительности, позво-

ляющее встряхнуть закорстевшее мышление и посмотреть на многие вещи трезвым и незамыленным взглядом, – подытожил странник, покручивая трость.

– Вот то-то же! – проворчал пень. – Многие так увлекаются процессом, что обдумывают тактику, стратегию, проходные задачи, но при этом не осознают, ту ли цель они выбрали в принципе. К чему тебе вообще становиться персонажем истории? Почему бы не оставаться, как я, в бессознательном? К чему всё это вообще? Во имя чего? Странствуешь, размышляешь, споришь.

– Ой, вот только не надо! С меня хватит! Ещё буду я что-то объяснять и доказывать какому-то пню, – проворчал странник, поправив монокль.

– Да ну? А думаешь, здесь есть какая-то разница, какую зыбкую форму ты принял в бессознательном? Любой образ – это что-то преходящее и несущественное, – огрызнулся тот. – Не важно, пень я, скала, облако или Никколо Макиавелли. Важнее то, что я говорю и думаю. А кем или чем я стану в дальнейшем, никак не связано с тем, что я сейчас. Ну, почти.

– По мне хоть пень, хоть Макиавелли. Какие б ни были причины, а гуси ходят босиком, – процитировав нидерландскую поговорку, ответил на это человек в цилиндре. – Достаточно того, что я считаю это необходимым, значит так для чего-то нужно. Существование есть благо. Но вопрос ещё заключается в том, в каком виде и качестве это будет выра-

жаться...

– Конечно. И с этой целью ты будешь эгоистично соваться в чужие истории, где ты просто необходим, как пятое колесо, путая все карты и круша чужие судьбы, – продолжил гнуть свою линию пень.

– Не драматизируй. Во-первых, все мы обитаем в общем информационном пространстве. Во-вторых, быть может, для какого-то одинокого страдальца я буду тем самым знаком судьбы, который явится к нему на помощь.

– Да, но ведь это будут уже совершенно другие истории. Ты зачастую будешь просто выбиваться из контекста, не вписываясь в те картины, куда нагло вклинился, – не унималось деревянное недоразумение.

– Почему же? В рамках нашей метаистории всё это как раз-таки имеет вполне обоснованный и оправданный контекст. История живёт. Она развивается. И если справедливость требует показаться нелепым, – пусть уж лучше я буду нелепым. Вообще я понимаю, что существую недавно, – очередной автономный образ, который обрёл временное самосознание в рамках сознания. Я понимаю, что это не моя память, а информация из авторского сознания. Но всё-таки. Ведь я помню, как он помнит, как в детстве свет и тени играли ночью на занавесках, по ним «показывали» истории, рассказывались сказки, слагались легенды. Там были и персонажи, и сюжеты. Почему с возрастом многие прекращают подмечать такие вещи, удивляться, радоваться новому? Мож-

но каждый день проходить то же самое место, не замечая его красоты... – человек в цилиндре задумчиво забарабанил пальцами по набалдашнику трости. – Так, только не будем скатываться в банальность. Ладно, пень, приятно было поговорить... Хотя, на самом деле, нет... В любом случае, мне пора...

Поднявшись, странник продолжил свои поиски, а пень лишь пожал корнями: он сказал всё, что хотел, и не имел желания вразумлять кого-то и далее.

Глава 16: Гиперкубическая симфония

*Доведем бессмыслицу до абсурда – вдруг
получится что-то осмысленное?*

Веслав Брудзиньский

Фигурально выражаясь – флаг был в руках.

Решение напрашивалось само. Продолжаться так дальше не может. Необходимо либо проявить инициативу, создав историю вокруг себя и в себе, или заставить других принять себя. Не обязательно агрессивно. Но просто можно стать нужным и заставить с собой считаться.

Кругом от глубоко посаженных корней слов шли многочисленные побеги, образуя целые плантации, плодоносившие смыслами, формами и образами.

Чуть дальше находилось царство абстракции, постоянными жителями которого были всевозможные круги, треугольники, трапеции и иные фигуры, большинство из которых даже не обладало устоявшимися обозначениями. Гиперкубическая симфония звучала со всех равнин и высот. В противоположной стороне, где рождались сны, среди них, с зажжённым фонарём в руке, брёл зритель, отгоняя кошмары.

В растянутом меж пиками величественных гор гамаке располагался небольшой городок: скрипучие крыши то и дело взлетали с домов и, грациозно размахивая шифером, устремлялись в заоблачные высоты, переливающиеся ку-

инджевскими пятнами. Горы непрерывно рожали, исторгая на свет то мышей, то кобальдов, то обольстительных градив.

В небольшой луже разыгралась настоящая буря, девятибалльный шторм.

– В июле ни женщин, ни улиток, – осмотревшись, произнёс человек в цилиндре.

– Ну вот, ещё один, – раздался голос на отдалении. – Как говорил дедушка Фрейд, в традиционном искусстве он ищет бессознательное, в сюрреализме – сознательное.

– К чему себя сдерживать? – поинтересовался другой. – отошли от фигуративных образов к импрессионистским мазкам, от импрессионизма к супрематическому квадрату – и что, всё? Нет, не всё! Останавливаться нельзя! После чёрного квадрата должен быть голый холст! Затем – дырка на холсте! Затем – рама без холста! Потом – сожжённая рама!

– Помилуйте, сударь, ну, в конце концов, нельзя же настолько выставлять себя дилетантом и профаном. И нет, дело вовсе не в том, что король голый. Просто эстетическое чувство – это ещё не всё. Произведение искусства, – это не только «что», но, как минимум, ещё и «как», «почему» и «зачем». Без образования, без необходимых знаний эстетическое чувство неполно, бесполезно. Именно поэтому, столкнувшись с требовательным произведением, не готовый к восприятию в лучшем случае пожимает плечами. Нужно учить язык искусства. Говорить, что «я тоже так могу» или

«чем это лучше того, что создадут подмастерья за пять минут» – неправильно так же, как спрашивать, чем Аристотель лучше современных выпускников философского факультета. Дело не в том, что кто-то может или не может «так же», а в том, что произведение нельзя вырывать из семиотического контекста, философской системы, идеологии, биографии создателя. Потому внешне схожие объекты, написанные разными людьми в разное время и при различных обстоятельствах, не будут тождественны друг другу. Один вкладывает смысл, другой слепо копирует. Один имел мотив и причины написать то, что написал, другой мог бы, но у него не возникло бы такой идеи, мотива, причины и желания. И он не был бы готов посвятить целую жизнь отстаиванию своего видения и жизни в ключе той философии, из которой он бездумно вырвал символ, не понимая его значения. И не надо мне тут заявлять, что автор мёртв. «Измы» возникали вовсе не от невозможности работать в классическом ключе, – отвечали ему.

Подойдя поближе, человек в цилиндре обнаружил в кубических зарослях тессерактовый стол с парой кресел и диванов, на которых расположились другие незнакомцы в цилиндрах. Впрочем, некоторые ходили поблизости, промышляя сбором бутылок Клейна, или пытались изгнать демона Максвелла. На столе находилась коробка с котом Шрёдингера, перевязанная лентой Мёбиуса. Подле неё лежали седовласый револьвер и ханойская башня. В кустах неподалёку

мирно пасся укрощённый рояль.

Одни незнакомцы утверждали, что творчество – это стихия, неподвластная логике, другие заявляли, что искусство подобно математике и требует филигранных вычислений.

– Ну, надо же! Судя по всему, это черновые наброски, варианты того же образа! – присмотревшись, заключил он. – Но только ни один из них не сформирован в полной мере, как я. Кто-то похож на размытый контур. Кто-то на абстрактную композицию. У кого-то детально прописано лицо, но при этом амёбообразная фигура. У кого-то, кроме усов и цилиндра, нечем прикрыть срам. И далее в том же духе... Кхм... Несчастные! Жертвы смысловых уравнений!

Выбежав вперёд, он опёрся о стол, громогласно воскликнув:

– Я вижу, здесь не обойтись без твёрдой руки и указующего перста лидера! Собратья! Как наиболее целостный, объёмный и прописанный – им буду я! Возражения не принимаются. Не нужно впредь никуда ходить. Мы будем вершить историю. Прямо здесь и сейчас. Не мировую и не глобальную, а нашу. Может быть, мы не идеальны «вообще», но идеальность «вообще» – категория из области идеальной ноты, буквы или цвета. Абсурд. Зато мы идеально подходим для тех целей и задач, ради которых были созданы. И я поведу вас. Вы слышите?! Я поведу вас... Куда-нибудь...

...С этих слов началась новая история. Его история...

Больно не будет

Глава I, Повествующая о зубах и нравах

Адам и Ева имели перед нами много преимуществ, но больше всего им повезло в том, что они избегали прорезывания зубов.

Марк Твен

В стародавнем году, который нынче никто и не вспомнит, в далёкой стране, которой нет на современных картах, в непримечательном поселении, название которого ничего вам не скажет, находился монастырь ордена, которого больше не существует.

Монастырь Святого Христофора, построенный в окружении белоснежных пиков гор, на момент основания насчитывал в своей обители порядка двадцати монахов, но даже и в лучшие годы их набиралось не более тридцати двух человек.

Их скромное облачение составляли простой чёрный хабит со скапулярием, обычная сыромятная верёвка, игравшая роль пояса, количество узлов на которой обозначало число уже принятых её обладателем обетов, а довершению сего

благочестивого образа служили монашеские чётки и сандалии, борода и тонзура.

Устав требовал от братьев любить Отца Небесного всеми силами души своей, не забывая о сердечной любви и уважении к ближним своим, при отвержении себя самого, умерщвлении плоти, сознательном отказе от убийства и блуда, кражи и лжесвидетельства, клеветы и зависти, ропота и тщеславия, ревности и стяжательства.

Монах не должен был делать другим людям того, чего не пожелал бы себе, но был обязан вместо этого утешать печальных, поддерживать несущих тяжёлое бремя, облегчать участь бедных, одевать нагих, кормить голодных, исцелять больных и хоронить мёртвых.

Он не должен был привязываться к чему-либо приятно-му чувствам, не предпочитая что-либо Христовой любви, но в то же время должен был любить пост и оставаться чуждым мирским нравам, не потакая плотскому желанию.

Божьему слуге не пристало держать в своём сердце гнев и ненависть, помышлять о мщении и лукавить, оставлять милосердие и обнадёживать понапрасну. Монах не должен был давать каких-либо клятв, дабы не оказаться клятвопреступником, но вместо этого ему следовало придерживаться правды в сердце, словах, делах и помышлениях.

Ему следовало возлюбить своих врагов всем сердцем, не отвечая злым на злое, но лишь благословляя проклинающих, искренне моля за них в любви Христовой. Монах

не должен был терпеть неправды и беззакония, но должен был стоически превозмогать то, что может выпасть на его собственную долю, с примерным мужеством перенося гонения за правду.

Брату всегда следовало опасаться гордыни, пристрастия к вину и еде, лености и сонливости. Уповая на Бога во всех своих начинаниях, он должен был приписывать в заслугу Ему всё то благое, что сможет обнаружить в себе, в то же самое время виня во всех своих слабостях и недостатках лишь себя самого.

Стремясь всеми силами души к жизни вечной, монах с завидной настойчивостью готовил себя к ней, при этом не забывая помнить о смерти, следить за своими мыслями и поступками, страшиться ада и помнить о Судном Дне, пребывая в твёрдой уверенности, что Всевышнему ведомы все его страсти и поступки – всегда и везде.

Лишь только в душе монаха зарождались недобрые мысли – он должен был тотчас же разбивать их о светлый образ Христа, открываясь лишь сведущему в духовных делах наставнику. Уста свои надлежало воздерживать от всякого злого или праздного слова, избегать ненужного многословия и споров, а также громкого и частого смеха, способного изгнать из человека всю праведность и благодатный настрой.

Охотно внимая духовному чтению и часто предаваясь молитве, монах каждый день своей жизни должен был проводить в соответствии с заветами Господа, каждый день с вы-

сочайшим почтением и искренними горькими слезами исповедуя Ему свои прошедшие прегрешения – не формальности ради, но дабы впредь не совершать их.

Отказываясь от собственной воли, монах всецело должен был доверять решению людей, поставленных ему свыше начальниками, и подчиняться им даже в том случае, если сами они, упаси Бог, не представляют собой образец нравственной чистоты, не считая чужую неправедность оправданием собственной, но при этом прямо и открыто обличая их в глазах братства на ежедневном собрании капитула.

Власть, как и болезнь, почиталась ниспосланной монаху свыше, что, тем не менее, являя собой определённое испытание, не означало отсутствие необходимости в лечении. В том случае, если начальствующие, к примеру, начали бы склонять подчинённых к греху, ввергать в ересь и требовать отступить от Бога и веры, – с этой болезнью надлежало бороться, как и с любой другой. При этом любое лицо, наделённое властью, должно было неукоснительно осознавать, что власть была дана ему свыше совсем не затем, чтобы он впадал в гордыню от ощущения собственного превосходства над подчинёнными, но ради того, чтобы он, с предельной мудростью и осторожностью, употребил её во Славу Божию. Максимально используя все предоставляемые властью возможности во благо, он должен был помнить и о том, что бльшая власть подразумевает и бльшую ответственность. ● ●

Монаху следовало избегать кощунственных мыслей о соб-

ственной святости, при этом умея отличать и утончённые виды гордыни, когда под внешним самоуничижением скрывается духовный нарциссизм.

Младшим монахам надлежало почитать старших (приходившихся им старшими не столько в телесном, сколько в духовном отношении), равно как и старшим – выказывать отеческую заботу о младших.

Любя чистоту, простоту и опрятность, монахи должны были содержать в порядке как мысли свои и одежду, так и отведённые им кельи и прочие помещения, но вместе с тем соблюдать во всём меру, дабы забота о собственной внешности и убранстве обители не превратились в особую форму самолюбования.

В довершение же всего: разделённым распрей монахам надлежало мириться ещё до захода солнца, а ощутив в себе зародившиеся плевелы уныния, никогда не отчаиваться в бесконечном милосердии Божиим.

По сути устав был ничуть не менее строг, чем у римских воинов или олимпийских спортсменов. Поэтому монастырских братьев иногда именовали «Божьими воинами» или «атлетами духа», коль скоро в былые времена «аскетами» назывались профессиональные ученики атлетических школ. Но вместе с тем, несмотря на всю ту высокую значимость, которую орден уделял суровой аскезе, – основные роли в его иерархии добродетелей отводились для покаяния и смирения, без обретения которых терялся всякий смысл не только

самой аскезы, но и любых прочих дел.

Обязанности монахов были чётко разделены в соответствии с их способностями и наклонностями; и ни одна из работ, будь она связана в большей степени с книжной учёностью и пытливым умом, развитым чувством прекрасного и творческим началом либо с физическим трудом и рутинными делами, не могла считаться особенно почётной или, напротив, сколь-либо унижительной.

В то время как учёный муж проводил свои дни в скриптории, составляя переводы трактатов античных философов, травщик настаивал лекарство от его недуга, а сведущий в поварском деле келарь обеспечивал каждого из них ежедневной трапезой.

Наиболее старые и дряхлые из монахов, чьё зрение было уже недостаточно острым, а ум – ясным, чтобы дополнительно напрягать их изучением фундаментальных трактатов, наставлением страждущих и регулярным выступлением с богословскими докладами, чьи телесные возможности не позволяли заниматься тяжёлым трудом и вести монастырское хозяйство, обитали особняком, изолированные не только от внешнего мира, но даже и от других братьев. Единственной обязанностью старцев оставалось непрестанное бдение: глубоко вдумчивое чтение мысленных молитв, снова и снова повторяемых в безмолвном трепетном почтении.

Боясь нарушить благочинный покой старших братьев

по вере, остальные монахи как можно тише приносили в означенный час приготовленную для них пищу и, оставляя приношение у порога келий, так же бесшумно удалялись.

Распорядок исполнения монашеских обязанностей перед Творцом и общиной был расписан буквально по минутам. Братья рано вставали и поздно ложились, соблюдали строгий пост, и свято хранили обет молчания, нарушаемого исключительно для чтения молитв и проповедей, песнопений и по иным уважительным причинам.

Всегда и везде сохраняя умы свои в ясности, они воздерживались от употребления алкоголя, позволяя себе лишь испить немного вина на причастии, а чистота родниковой воды, коей заслуженно славились здешние места, избавляла её от потребности в обычном, по тем временам, винном разбавлении.

Основная работа монастырских братьев заключалась отнюдь не в чём-то внешнем: монахи вели постоянную мысленную брань, борясь со всевозможными греховными помыслами и искушениями.

Некоторые послабления в еде и работе были допустимы лишь для больных: в том случае, когда их состояние исключало всяческую активную деятельность, а отказ от пищи был опасен не только для здоровья, но и для жизни.

Монахи доили коз, варили сыр, следили за садом, выращивали фрукты, овощи и виноград, давили вино, содержали пасеку, собирали мёд, готовили ликёры, ловили рыбу и от-

носили многие плоды своего труда на продажу.

Так или иначе, несмотря на сознательный отказ братьев от личной собственности, персональная нищета монаха ещё не означала нищеты монастыря, хранившего некоторые вещи для коллективного пользования и, в частности, располагавшего некоторой суммой денег. Эти средства могли быть потрачены не только на нужды общины, но также и на различные благие дела, в помощь многочисленным нищим, больным и убогим людям, живущим за пределами монастырских стен.

В нелегких монашеских буднях – людей поддерживали три благонравных ослика, с достоинством носивших имена основателей великих нищенствующих орденов: Франциска, Бенедикта и Доминика. Эти на редкость послушные, вопреки естественному пороку их вида, Божьи создания были призваны на роли боевых коней местных рыцарей молитвы и чётков. Многочисленные юные воспитанники монастыря, как правило, весьма любили малых сих, охотно помогая послушникам, в задачу которых входили мытьё и кормёжка ослов при стойлах.

Настоятель, наградивший ослов столь необычными именами, не усматривал в подобном выборе чего-либо предосудительного, коль скоро сам Спаситель счёл нужным въехать на одном из таких замечательных животных в Иерусалим, а одно из известнейших чудес было явлено через валаамову ослицу, не говоря уже про присутствие осла в яслях, посе-

му в поступке сего почтенного мужа читались определённые аллегорические мотивы.

В скриптории при библиотеке сообща трудились толмачи, рубрикаторы, копиисты миниатюристы и пергаментщики, занятые кропотливым переводом и написанием текста, созданием, иллюстрированием и прошивкой страниц и, в конечном итоге, изготовлением новых книг, на каждую из которых уходило, в среднем, не менее нескольких месяцев основательной совместной работы. Во избежание порчи книг от моли, червей и прочей ползуче-кусачей напасти, пергамент обрабатывался шафраном и кедровым маслом.

Во всех этих книгах, как некогда имел смелость предположить один из работавших здесь юных монахов, говорилось то же самое, что и в любых других книгах мира: содержание одних книг рассказывало о содержании других книг, и все отличия, по сути, заключались в том, как именно они об этом повествуют. Тем не менее, спектр областей человеческих знаний, затронутых в данных трудах, был весьма широк, ни в коем разе не ограничиваясь одной лишь областью богословия.

В задачу некоторых особенно одарённых монахов также входиликовка металла, изготовление стекла и создание витражей, резьба по дереву, написание триптихов, а также составление «карт мира».

Эти «карты мира», носившие латинское название «», функционально не были предназначены для каких-либо

практических целей: с их помощью нельзя было, к примеру, пересечь океан или проделать путь из одной страны в другую. Но вместо этого они представляли собой наглядные энциклопедии, имевшие особую ценность для тех, кто не был обучен грамоте. *mappe mundi*

На этих древних картах изображались наиболее известные государства, вместе с населявшими их народами и животными, обитавшими там святыми и растущими там растениями. В центре этих карт неизменно размещался так называемый «Пуп Земли», «», священный город Иерусалим. Разделённая на три части, карта мира разграничивала места обитания народов, произошедших после Великого Потопа от троих сыновей Ноя – Хама, Сима и Иафета. *ombilicum mundi*

Неизвестные заморские земли, будоражившие разумы наиболее молодых монахов, назывались «», и были населены различными диковинными существами, вызывавшими своим видом смешанные чувства боязни и любопытства: устрашающими стимфалийскими птицами; неукротимыми онокентаврами; быкомедвежьими апре; тысячерукими и сотнеголовыми гекатонхейрами; пышнобородыми гермафродитами; великорослыми циклопами и лестригонами; парящими в высоком небе драконами; плывущими в морских водах реморами и тролльвалами; скулящими на луну кинокефалами; изогнutorогими камелеопарделями; пышногрудыми сфинксами; змеевласыми медузами; грациозными ламиями; пер-

натыми гиппогрифами; страшноокиими василисками; двуглавыми амфисбенами; винторогими антолопами; острохвостыми мантикорами; подвижнорогими йейлями; крылозмеими амфиптерами; великоногими скиаподами; широкоухими паноптиями; торсоликими блемиями; ослонерблужьими аллокамелусами; козлобараньими музимонами; чешуйчатými рыбами-епископами; зловещими кракенами и гребенчатыми кокатриксами. *terra incognita*

В праздничные дни, а также и по субботам, в стенах сего монастыря проводились капитальные уборки, в которых на равных принимали участие все монахи от мала до велика, включая и самого аббата, но исключая наиболее слабых и дряхлых.

Полноправное вступление в орден требовало от каждой мятущейся души полного, безоговорочного и осмысленного принятия четырёх обязательных обетов, а именно...

...Обета послушания, выразившегося в полнейшем отказе монаха от собственных своевольных суждений и поступков, но соблюдении решений более искусных в духовных вопросах начальников...

...Обета нестяжательства, выразившегося в полнейшем отказе монаха от владения собственностью, отказе от богатств и любого имущества в пользу монастырской общины; тем не менее допускавшего временное пользование вещами, необходимыми для несения службы, равно как и наличие совместно используемых средств, находящихся не в личном

владении одного человека, а общины как таковой. Ведь нестяжательство понималось ещё и как самодостаточность обитателей монастыря, живущих особняком от мира...

...Обета целомудрия, выразившегося не только лишь в воздержании от плотских утех, как это часто узко понималось в миру, но представлявшего собой целый комплекс мировоззрения и согласованного с ним поведения. Иначе говоря – «целостную мудрость». В связи с чем человек, не гнушавшийся убийства, кражи, богохульства, лжесвидетельства, ереси, язычества и прочего беззакония, – никак не мог считаться целомудренным, будь он хоть трижды девственником. Но, в то же самое время, благочестивая матрона, ставшая матерью для великого множества детей, могла оставаться целомудренной даже и в браке – если, конечно же, ум последней был свободен от праздности и скверны. Другое дело, что именно монашеское целомудрие, в рамках умерщвления плоти и борьбы с мирскими страстями и привязанностями, в числе прочего придавало высокое значение безбрачию. Что, в свою очередь, исключало и плотскую близость. В то же самое время, целомудрие, сочетавшееся с девственностью, именовалось «девством»...

...И, в заключение, последним по очерёдности, но не по значимости, являлся обет постоянства, в соответствии с которым монах навсегда оставался привязан к монастырю, в стенах которого проходило его пострижение, что, в свою очередь, означало: пусть даже под сими стенами со-

берутся нечестивые вражеские воинства – монах останется и примет в эти тяжёлые дни всех страждущих, не бежав и не предав свою паству...

Разумеется, принятие каждого из последующих обетов в известной степени хоть и увеличивало права и полномочия монаха, но, в существенно большей степени, и налагало на него дополнительные обязательства. Поэтому принятие как первого, так и каждого из последующих обетов не могло производиться легкомысленно, но требовало от желающего долгой и основательной подготовки. Коль скоро эти обеты не могли быть отменены и требовали пожизненного соблюдения.

Некоторое время, разнившееся от случая к случаю, но, в среднем, составлявшее лет шесть, кандидат имел право находиться в стенах монастыря на правах послушника, тем самым тренируя волю, набираясь знаний и привыкая к распорядку монашеской жизни.

В том случае, если вера испытуемого оказывалась не в полной мере сильна, если он, придя за эти стены, надеялся не обрести Бога, а просто найти здесь корм и кров или бежать от собственных проблем, а дела мира сего продолжали привлекать его в большей степени, нежели служение Всевышнему, – он был свободен в любой момент проститься с братьями, покинув приветливые стены монастырской обители.

Но ежели он оставался в значительной степени усерден,

доказывая серьёзность своих намерений и глубину веры на протяжении многих лет, то, с обязательного согласия братьев и настоятеля, испытываемый мог принять первый из обетов. Обет послушания, за которым, по истечении длительного количества лет, он непрестанно совершенствовался в своём служении, постепенно доказывая своё право на принятие всё новых и новых обетов. С принятием последнего, обета постоянства, он сразу же становился одним из возможных кандидатов на пост монастырского настоятеля.

До тех же пор, пока монах ещё не принял всех четырёх обязательных обетов, которые он, так или иначе, в непрерывном порядке должен был возложить на себя на протяжении жизни, он мог быть определён решением капитула на тот или иной род занятий, ещё (или уже) недоступный для остальных членов братства.

Так, например, монах, ещё не возложивший на себя ограничений, проистекающих из обета постоянства, до этих пор мог выполнять обязанности гонца, позволяя монастырю поддерживать отношения с представителями других орденов, находящихся в различных местах страны, а то и получить благословение на ведение миссионерской деятельности в землях язычников.

В то же самое время другой монах, уже принявший обет послушания, но ещё не подготовивший себя в полной мере для отречения от личного имущества, мог занимать какой-либо официальный пост, подразумевавший под собой

наличие частного имущества (к примеру, выполняя почётные обязанности учёного писца, в задачу которого входило ведение протоколов при проведении регулярных заседаний городского совета).

При этом он представлял интересы монастырской общины, которой в дальнейшем, так или иначе, переходило самостоятельно нажитое им имущество.

Люди, которые проживали в монастыре, при этом не будучи монахами в полном смысле этого слова, назывались «облатами», то есть – «предлагающими».

В широком смысле слова, облатом мог быть как малолетний ребёнок, проходящий обучение в стенах монастырской обители, так и пожилой мирянин, пришедший под его кров на склоне лет; как юный послушник, только начинающий свой путь на избранной стезе, так и человек, стоящий в одном шагу от того, чтобы принять монашеский постриг.

Чтобы эти отличия были видны невооружённым глазом, те или иные облаты, в зависимости от того, в какой мере усердным было их служение в качестве монастырских послушников, могли носить те или иные элементы монашеского одеяния ещё до пострига, а также принимать те или иные обязательства, которые могли ежегодно и добровольно продлевать.

При этом данные обязательства не приравнивались к монашеским обетам и их нарушение не могло вызвать того порицания, которое неизбежно навлёк бы на себя монах, нару-

шивший один из основных обетов.

Нарушитель либо просто оставлял ту обитель, для жизни в которой он оказался не вполне подготовлен, либо, приняв покаяние, испрашивал разрешение продолжить своё послушничество, и если в дальнейшем он не получал очередных серьёзных упрёков, то имел все шансы принять постриг.

Впрочем, время от времени в монастыре обитали люди, не принимавшие участия в работах, жизнь и поведение которых не были каким-либо образом регламентированы уставом братства.

Иногда это были проезжие путники, не сумевшие обрести ночлега и покидавшие это место вскоре после отдыха и трапезы. Ни один странник не получал здесь отказа, и ни один голодный не уходил отсюда, не будучи хотя бы скромно накормленным, отчего в определённом часу проводилось ежедневное кормление попрошаек, стекавшихся ради такого дела со всей округи.

Возможно, среди пришельцев и находились рядившиеся под нищих самозванцы, но братья скорее предпочитали одеть, накормить и обуть обманщиков, оставив этот грех на их совести, нежели из досужих подозрений отказать в помощи нуждающимся.

Тем паче что трапеза не была столь разнообразной и обильной, чтобы лезть из-за неё каждый раз вперёд, расталкивая всех наперебой локтями. Правда, в праздничные дни нищих могли побаловать и чем-нибудь особенным.

Но, как в будние дни, так и в праздники, обязательным условием любой трапезы было соблюдение образцового порядка.

Пока один из монахов, определённый келарём на роль трапезника, распределял между всеми по справедливости еду и вино, а другой, определённый чтецом, оглашал в это время строки из Священного Писания, – ни один из христарадников не смел в тот миг шуметь, переговариваться или суетиться.

В противном случае трапезу просто могли прервать, а собравшихся – без лишних церемоний попросить из-за стола. После чего голодные товарищи по нищете, скорее всего, намяли бы виновным бока.

Время от времени в монастырь приезжали учёные мужи из других мест, в основном являвшиеся монахами иных орденов. С собой они привозили товары, запрошенные в их прошлый приезд для обмена: лекарства, продукты, рабочие материалы и всякое разное в том же духе.

Учёные гости брали с собой редкие книги, и, если их копий не обнаруживалось в богатой библиотеке братства, странники могли оставить их на время переписчикам в монастырской скриптории. В обмен же они получали доступ к книгам самого аббатства или к каким-то иным услугам.

Но помимо всего вышеперечисленного данное аббатство обладало двумя причинами многочисленного притока посетителей. И речь шла вовсе не о святых мощах и реликвиях,

наподобие головы Святого Георгия, об обладании которой одно время заявили сразу двенадцать монастырей. И даже не о редких фолиантах, наподобие утраченного тома «Поэтики» Аристотеля. Но о двух прославленных монахах, несомненно, выделявшихся, пусть и каждый по-своему, на фоне всей остальной монашеской братии. Что, тем не менее, не становилось для них причиной впадения в гордыню.

Ни один из них, к примеру, не мог бы заслуженно почитаться святым праведником, подобно Бенедикту Нурсийскому или Иерониму Стридонскому, или хотя бы прослыть в веках оригинальным мыслителем своей эпохи, подобно Фоме Аквинскому или Ансельму Кентерберийскому. Но определённые обстоятельства заставили обоих Божьих слуг сделаться невероятно популярными и известными как в родных местах, так и далеко за их пределами. Впрочем, ирония судьбы такова, что многие из ныне живущих либо никогда и не слышали их имён, либо могли спутать их с другими, похожими на слух, либо просто принять всё связанное с ними за очередную народную сказку. Как бы то ни было, не награды и почести делают истинных героев достойными их величия, равно как и всеобщее порицание и презрение, как таковые, сами по себе не означают за человеком наличия или отсутствия истинной вины.

Первый брат носил имя Венсна Мавра и обладал весьма необычной внешностью, скорее подходившей типичному магометанину, нежели христианину. Лицо его носи-

ло на себе печать природного загара, волосы были черны и естественным образом складывались в завитки, а тяжёлый и в то же время пронизательный взгляд его льдисто-серых глаз выдавал в нём рассудительного и словно бы оценивающего вас человека, с которым лучше не связываться в кулачном бою. **а**

О прошлом брата Венсана осталось достоверно известно, что, прежде чем принять постриг в монахи, он некогда был известен как отважный воин, сын прославленного во всех Семи Морях мореплавателя и юной темноокой наложницы, приобретённой его отцом в одной из жарких южных стран. Своим прозвищем монах был обязан не внешнему виду, но прилежному ученику Святого Бенедикта Нурсийского, носившему имя Мавр.

Венсан не любил вспоминать о годах своей молодости, проведённой вне стен давно породнившегося с ним монастыря, отзываясь о них не иначе как о печальных грехах беззаботной юности. Но вместе с тем, несмотря на свой возраст, монах был по-прежнему статен и прекрасно сложен и, получив на то особое соизволение настоятеля, среди всего прочего обучал местное ополчение азам воинского ремесла.

Набеги жестоких варваров не были в эти дни какой-либо диковинной редкостью, и если до этих пор Господь отводил беду от этих мест, то это ещё не означало, что так непременно должно продолжаться и впредь.

Манера сидеть за столом, держа спину ровно. Или держать

ложку так, словно бы это настоящее оружие. Стоять навывтяжку, будто боец в строю. Интонация, с которой он отдавал распоряжения. Взгляд, которым он оценивал обстановку. Походка, которой он мерил внутренний двор монастыря. Словом, всё выдавало в нём выучку бывалого воина.

Косая сажень в плечах, высокий рост и боевая удаль, не говоря уже об экзотической внешности, вносили свою весомую лепту в образ этого весьма колоритного человека, но прежде всего в нём ценили не красоту, о которой ночами напролёт напрасно мечтали местные женщины, и не силу, которую уважали в нём многие мужчины.

Многочисленные легенды о его энциклопедической начитанности, редкой живости и изошрённой пронизательности ума уже долгие годы бродили не только по всему христианскому миру, но даже и за его пределами, вызывая интерес как у обычных людей, учёных мужей и знатных господ, так и у сильных мира сего.

Имея что-то общее с Чезаре Борджиа и Франческо Сфорца, которые, как сказал Никколо Макиавелли, являли собой грандиозное сочетание недюжинной силы льва с изящной хитростью лисицы, он отличался от них отсутствием лукавosti и коварства.

Свободно изъяснявшийся в устной и письменной речи на древнегреческом, латыни, еврейском, арабском и многих из прочих известных по тем временам языков, он состоял в научной и богословской переписке с виднейшими и муд-

рейшими людьми если и не всего мира, то, во всяком случае, внушительной его части.

Духовно дисциплинированный человек, он не считал себя мудрее или в чём-либо лучше других, ведь за удивительной памятью, выстраивающим блестящие силлогизмы умом и от природы крепкой плотью скрывалась ровно та же душа, что и у прочих людей на свете. В сравнении с бесконечным сиянием Славы Божьей – любые достижения человека были ничтожны и жалки, а помышления об особых заслугах пред Всевышним, высокой праведности, едва ли не доходящей до личной святости, на деле ввергали людей в пучину гордыни. Для борьбы с едва начинавшимися закрадываться помыслами о собственной высокой значимости, Венсан прибегал к такому известному методу, как грязная работа, что помогало укреплять его смирение перед Господом.

Рассматривая изучаемые им предметы, Мавр устремлял свой взгляд как вглубь, так и вширь, в равной степени основательно подходя к различным вопросам богословия, медицины, логики, истории, грамматики, естествознания, алхимии, философии, поэзии, музыки, математики, гербалистики и риторики.

Большую часть своего времени Венсан проводил либо в помещении монастырской школы (единственного места на многие мили, где дети крестьян могли обучиться грамоте, к тому же ещё – совершенно бесплатно), либо в стенах библиотеки, где, подолгу находясь в окружении необходимых

в его работе книг, он составлял свои знаменитые трактаты.

В особых же случаях – он мог провести целый день не выходя из лаборатории, с разрешения настоятеля получая еду на место и посещая лишь первую и последнюю службы, либо принять приглашение на участие в богословском диспуте, предпочитая, впрочем, скорее принимать гостей у себя, чем уезжать за тридевять земель.

Зная о невероятной прозорливости сего монаха, многие состоятельные особы были совсем не против отдать своих благородных чад на обучение к нему – даже невзирая на незавидную перспективу тесниться в одном классе с простолюдинами.

Будучи главным учителем школы, Венсан с охотой принимал всех желающих, при этом не делая никаких различий или поблажек как между сыном оборванца и сыном вельможи, так между дураком и отличником: во-первых, для Бога не имело значения, кто чей сын, и, тем паче, это не имело значения для их учителя, и, во-вторых, даже у слабого в науке могло быть золотое сердце, а у сильного в знаниях – чёрные мысли. Впрочем, во время своих уроков Мавр требовал от каждого ученика дисциплины, усердия и прилежания, и если он наблюдал, что кто-то ведёт себя неподобающим образом либо не справляется с наукой не в силу присущей от природы слабости ума, но по обычной безответственности и лени, намоченные розги тотчас же не давали о себе забывать.

Помимо обучения детей Венсан уделял время подготовке послушников и монахов, а также и прочих взрослых людей, многие из которых специально преодолевали немалое расстояние лишь за тем, чтоб поприсутствовать на его лекциях и докладах либо сойтись с ним в дискуссии. При этом красноречивые и учёные слова Мавра настолько очаровывали слушателей, что даже долгие часы пролетали перед ними, как минуты.

На протяжении всей жизни из-под его пера выходили многочисленные труды, к наиболее значимым из которых следовало отнести трактат «О книжной учёности и силе искусств», в котором он, рассуждая о единстве и связи религиозной, научно-философской, светско-политической и творческой мысли, активно цитировал Гомера, Эсхила, Софокла, Платона, Аристотеля, Еврипида, Вергилия, Тита Ливия, Цицерона, Эвклида, Аль-Фараби, Аль-Газали, Аль-Хорезми и Авиценну, в то же самое время выступая с критикой в адрес Эпикура, Демокрита, Аверроэса и Маймонида.

В этом же самом трактате Мавр выражал свою полную солидарность с Великими Каппадокийцами во взглядах на то, что внешняя учёность есть благо и, к сожалению, по сию пору встречаются невежественные люди, которые по скудоумию своему опасаются, что образованность является врагом веры.

Некоторые даже преподносили едва ли не как догмат расхожее выражение «невежество – мать благочестия», припи-

сываемое Римскому Папе Григорию I Великому: великому святому, который был вынужден против собственной воли оставить затворничество, занять высокий пост (которого не желал) и проявить себя мудрым правителем, тонким политиком, смелым миссионером, грамотным стратегом, автором многочисленных трудов (в особенности, – знаменитых «Диалогов») и просто высоконравственным человеком. На самом же деле, речь шла вовсе не о невежестве, а о простоте помыслов.

Брат Венсан категорически не принимал отношения ко всем древним книгам вообще и к математическим трактатам в частности, как к пособиям для обучения колдунов, тем не менее, признавая роль нумерологии в мистических практиках отдельных еретических сект и философов.

Решение запретить разом все древние книги (за исключением, естественно, «Библии») в понимании Венсана Мавра было близко к идеям Тертуллиана, породившего знаменитый тезис «», что переводится как «верую, ибо абсурдно». *Credo quia absurdum est*

Данная известная максима, являющаяся парафразом труда «О плоти Христа», зародилась у Тертуллиана на почве тех простых рассуждений, что раз уж ему известно, что Христос есть Сын Божий и Спаситель, – то для чего утруждать себя поиском каких-либо прочих, ненужных, а то и вредных знаний; да и вообще – «Что может быть общего у Иерусалима с Афинами?».

В соответствии с подобными идеями некоторые люди действительно полагали, что любые сторонние тексты и знания либо повторяют Истину, дарованную людям от Бога, и, стало быть, являются излишними, либо даже противоречат ей и, стало быть, вредны.

При этом Тертуллиан, будучи бескомпромиссным буквалистом, отрицал не только необходимость и допустимость, но даже и саму возможность аллегорического прочтения Священного Писания, полагая, что всё следует понимать исключительно дословно, даже если это противоречит человеческой логике, побольше интересоваться насущными, а не метафизическими вопросами; ведь, в противном случае, аллегорические умозаключения способны ввергнуть человека в ересь.

По иронии судьбы, в конечном итоге Тертуллиан сам впал в ту самую ересь, от которой до этого настойчиво пытался оберегать остальных, сначала присоединившись к известной секте монтанистов, а затем и вовсе основав собственную, в то время как его тезис был не просто всеми отвергнут, но принят в штыки александрийскими апологетами, провозгласившими новый тезис: «верую, ибо абсурдно!». *не*

Обращаясь к этому и подобным примерам, Венсан в то же время выражал свою солидарность Великим Каппадокийцам, полагавшим, что в мудрости античной философии уже прослеживались искры истинно Божественного Учения, подобного тому, как водная гладь способна отразить на своей

поверхности солнечный свет. Ведь даже несмотря на то, что эллины, как и остальные язычники, не получали сверхъестественных откровений от Бога, – они не были лишены естественных; и входя своими судьбами, как и все люди, в сферу Промысла Божьего, обладая поистине светлыми умами, дарованными им от Отца Небесного, смогли применить их с похвальным усердием, постигнув многое из того, что в силах познать человек, не получая знания свыше.

Отстаивая значение разума, Венсан ссылаясь то на Фому Аквинского (в частности, на знаменитую «Сумму теологии»), высоко оценившего известных античных и арабских учёных, то на Роджера Бэкона, полагавшего, что поверхностные познания действительно могут создавать видимые парадоксы, в то время как углублённая учёность, напротив, лишь позволяет их развеять. При этом в целом он категорически не принимал подавляющее большинство идей как первого, так и второго.

По Мавру, человек, ведомый одним лишь внутренним наитием, отрицающий или, по крайней мере, не признающий значения накопленной за века мудрости, полагающий, что существование авторитетов и догматов не требуется для подлинно духовной жизни, а всяческие знания и доказательства основных богословских Истин если и не невозможны, то, по крайней мере, просто излишни (поскольку истинно верующему человеку они ни к чему, а для убеждения еретика они бесполезны), находится в опаснейшем из заблуждений.

Действительно, для переубеждения человека, который твёрдо решил игнорировать любые попытки достучаться до его сердца, пропуская любые доводы мимо ушей, – самых ценных слов могло оказаться мало; но, в то же самое время, далеко не каждая заблудшая душа совершенно чужда воззванию к разуму; да и каждому верующему, в особенности в момент преодоления тягостных сомнений, было бы полезно приобщиться к кладезю человеческой мудрости, направляемой Божиим Промыслом.

Но, тем не менее, что вера, лишённая мудрости разума, что человеческий разум, лишённый мудрости веры, по мнению брата Венсана, могли стать причиной огромных заблуждений и, как следствие, – ужасных бедствий. Поэтому, настаивая на здоровом балансе между созерцательностью и действием, он посвятил данному вопросу отдельный трактат «О единстве мистики и философии», подразумевая под мистикой ни в коем случае не колдовство и прочую бесовщину, а исключительно духовный опыт-откровение христианина.

Из прочих же сочинений Мавра в обязательном порядке следовало бы упомянуть «Ересиарий», в котором он проводит основательный обзор всех известных миру ересей, от возникших в древние века до образовавшихся в его дни; и «Теодицею», в которой Венсан объясняет наличие в мире зла и адских мук при существовании Всеблаготворца, а также вопрос существования свободной воли человека при существовании Божественной Воли и Божественного Всеве-

дня.

Памятуя же о работах, не лежащих непосредственно в области богословия, никак нельзя пропустить трактат «О поэзии» и три сборника стихов собственного сочинения: «Vade retro», в котором он приводит семь стихотворений, изображающих семь смертных грехов; «Amabile opus», в котором он рассказывает про своих юных воспитанников, которые, пусть и уступая ему в книжной учёности, обладают тем качеством, без которого ни одному человеку невозможно попасть в Царствие Небесное, а именно – детской душой; «Igni et ferro», посвящённый методам лечения, ранее практиковавшимся у светил древности, и актуальным вопросам врачевания в медицине современности.

Полной противоположностью брата Венсана являлся достойный брат Фабр, носивший крайне необычное прозвище «Збник». Известность его, вполне сопоставимая с известностью брата Венсана, была вызвана несколько иными причинами и, как следствие, окружала своего носителя совершенно иным ореолом. **и у**

И если общения с братом Венсаном специально искали, его самого – любили, а на встречу с ним – спешили по велению сердца, то в случае с братом Фабрисом всё обстояло совсем наоборот.

В массе его не любили, а, скорее, боялись и недолюбливали. Избежать общения с ним желали бы многие. И хотя бывало, что люди и шли к нему по доброй воле, но всё-таки ча-

ще не по велению сердца, а в силу острой нужды, оттягивая неприятную встречу до последнего момента.

Невысокий и пухлый, он внушал людям истинный трепет, от которого по коже у них пробегали мурашки, и один зуб не попадал на другой.

При этом сам Фабрис не был в какой-либо мере внешне отталкивающим, злым или неприятным в общении человеком, но всё упиралось не столько в его вполне светлую натуру, сколько в род его профессиональных занятий.

Заметно уступавший Мавру в годах, Зубник не отличался ни глубиной мысли, ни универсальностью познаний последнего. Зато – он был вполне сведущ в сфере вопросов, касающихся его врачебного призвания, поэтому назвать его простаком тоже было нельзя.

Фабрис не был особенно силён в философских дебатах на богословские и светские темы и, выбирая из пространных рассуждений о метафизике и вопросов практически-прикладного характера, отдавал предпочтение последним.

У всех людей на Земле, будь то мужчины или женщины, малые дети или глубокие старики, императоры или нищие, учёные или невежды, праведники или грешники, были зубы. И зубы эти, надо вам сказать, рано или поздно портились, давая о себе знать подчас не самым приятным образом. А всё, что приносит боль и страдание, как известно, требует своевременного лечения. И, если потребуется, лечение может быть проведено вплоть до полного искоренения источ-

ника боли.

Фабрис лечил людям зубы. И подходил к своему искусству весьма основательно, отличаясь новаторством методов и похвальностью результатов. Ничего больше, и ничего меньше.

Возможно, живи брат Фабрис в наши дни, – он не так сильно выделялся бы на фоне остальных профессиональных врачей и даже не входил бы в число лучших из них. Хотя, если всё-таки посмотреть на вопрос с другой стороны, кто знает, каких вершин сумел бы достичь он в своём искусстве, обладай он при своём усердии современными знаниями и оборудованием, которых, возможно, не появилось бы, не будь в своё время как его самого, так и людей, подобных ему.

Но в те далёкие годы, когда лечением зубов занимались преимущественно кузнецы, брадобреи, всевозможные коновалы и шарлатаны, а до создания стоматологии как области медицинской науки оставались ещё долгие, наполненные страшной зубной болью, века, – Фабрис по праву мог называться не просто лучшим дантистом в аббатстве, а, пожалуй, и в мире. Хотя бы уже и потому, что, даже не зная этого более позднего слова, по сути, был единственным человеком в мире, в полном смысле попадающим под это определение.

Брат Фабрис был человеком довольно экстравагантной натуры, что ни в коей мере не говорило о нём дурно. Возможно, не водись за ним некоторых странностей, он так и не избрал бы для себя столь необычный род занятий, вдобавок подступившись к нему столь же необычным путём.

Двойственность своего признания, включавшего в себя пересекшиеся и слившиеся в один гармоничный пути врача и монаха, Фабрис осознал ещё в раннем возрасте. Когда у него, ещё сравнительно малого ребёнка, нестерпимо болели его молочные зубы, – эта боль, порой доводившая до нескончаемых горьких слёз, мешала настроиваться на молитвенный лад. В то самое время, когда он, стараясь очистить себя от посторонних мыслей, готовился к чтению молитвы, обращая зов души к Богу, – на ум ему настойчиво лезли мысли о зубе, сбивавшие весь благочинный настрой.

Воспринимая все эти невыносимые страдания и муки то в качестве Божьей кары за свои прегрешения, то в качестве ниспосланного Им же испытания, юный Фабрис истово молил Творца убрать, если можно, его страшную боль или хотя бы ослабить её.

По глубокому внутреннему убеждению будущего врача, сформировавшемся уже в столь ранние годы, ни один человек на свете, каким бы чудовищем он ни был, пусть бы даже по светским законам его и следовало приговорить к смертной казни, просто не мог заслуживать того, чтобы у него болели зубы.

Небогатые родители долгое время не желали тратить на лечение молочных зубов своего измученного сына, полагая, что рано или поздно на смену этим зубам придут уже другие, и, стало быть, скромные семейные средства можно распределить на более важные потребности. Тем не менее,

добрая матушка Фабриса, любящее сердце которой более не могло спокойно выносить этих ежедневных рыданий, всё-таки убедила мужа свести сына к единственному в тех местах кузнецу, живущему от них через дорогу.

Высокий, широкоплечий, косматый и всегда пребывавший в плохом расположении духа, кузнец относился к породе тех людей, которыми жестокие родители пугают своих непослушных чад. На редкость дурно пахнувший даже для этих веков и подобной глуши, этот человек любил прикладываться к бутылке, затевать ссоры и драки на пустом месте и сквернословил так, что от хрипа его басистого голоса начинали жалобно скулить собаки.

Зуб на него имели многие, но, вместе с тем, за неимением другого специалиста по целому ряду вопросов, а также зная его тяжёлый, вспыльчивый и злопамятный характер, люди обычно относились к кузнецу довольно-таки терпимо, предпочитая по возможности не трогать навоз, чтоб лишний раз не вонял.

В тот день, когда Фабриса привели к нему на «лечение», – кузнец был в неопрятной, пропотевшей, грубо штопанной и местами рваной рубахе с закатанными рукавами, поверх которой был надет заскорузлый кожаный фартук, с утра уже перепачканный чьей-то свежей кровью. Вполне справедливо полагая, что ждут его «плач и скрежет зубовный», несчастный ребёнок попытался спрятаться за спиной у отца, который, впрочем, тотчас же оттащил упирающегося мальчика на-

встречу страшному дядьке.

Подобрав привычным небрежным движением свои жуткие клещи прямо с земли, кузнец усадил перепуганного мальчика возле ног и, зажав его маленькую головку между своими большущими коленями, потянул волосатые грязные руки к крошечному детскому рту. Вскоре дюжий верзила принялся что было сил выворачивать малыцу челюсть, и тому оставалось лишь потерять сознание от боли, начав захлёбываться кровью.

Когда едва не погибшего малыша наконец привели в чувство, то оказалось, что усердный кузнец удалил ему вовсе не тот зуб. Причём – даже и не один...

...Позднее, когда в возрасте тридцати двух лет Фабрис достиг вершины искусства в своей врачебной науке, судьба привела одного престарелого человека к нему на приём. И этим человеком оказался тот самый кузнец. «» – «зуб за зуб». Но, впрочем, брат Фабрис никогда не принадлежал к числу тех людей, которые долго держат обиды, и в ходе своей работы старался не причинить посетителю боли и неудобств ровно настолько, насколько это вообще было возможно. *Denta per denta*

Испытав невозможные муки сам, Фабрис всеми силами души возжелал уберечь от них остальных, но, как гласит народная мудрость, «хоть и смелость важна – да умелость нужна». А приступая к любой практике, тем более – медицинской, будущему мастеру было необходимо предварительно

овладеть определёнными теоретическими познаниями.

Единственным местом, где подобный ему человек небогатого происхождения, небогатое семейство которого уже было вынуждено класть зубы на полку, мог получить образование, являлся монастырь. Куда его и без того влекла вера, позволявшая будущему монаху не только выжить, но и обрести себя в этой нелёгкой жизни.

В перспективе, помимо, собственно, знаний, необходимых каждому изучающему высокое искусство врачевания, монастырь мог обеспечить молодого монаха материалами, необходимыми в его работе, и выделить если не помещение под мастерскую, то хотя бы келью, в которой он мог бы содержать свои записи и приборы в надлежащем порядке.

Но прежде всего требовалось получить на то согласие монастырского настоятеля, позволявшее осуществить задуманное в порядке особой формы послушания. А прежде чем испросить у аббата подобное разрешение, было необходимо подтвердить не только серьёзность своих намерений, но также и наличие соответствующих способностей.

Отсутствие врождённой гениальности Фабрис компенсировал усердным старанием в учёбе, высоким прилежанием в дисциплине и редким упорством в труде. В то время как многим прочим воспитанникам учение, казалось, давалось в разы легче (в особенности – некоторым отпрыскам знатных особ), Фабрис никогда не опускал руки и не сдавался, в конечном итоге не только догоняя, но и, в каких-то частно-

стях, опережая всех остальных. И если монастырская аскеза и труд, вкупе с книжной мудростью, бывали для молодых людей в тягость, то юноша буквально шёл напролом, вцепившись зубами в цель, которую сам же и перед собой и поставил.

Несмотря на то, что, в общем и в целом, он не выделялся каким-либо особенным умом на фоне всех остальных и даже не входил в число лучших учеников монастырской школы, Венсан давно заметил за ним оригинальный ход мышления, высокую усидчивость и терпеливость, а также любовь к знаниям, умение следовать цели и веру в собственные силы, не превращавшуюся при этом в самоуверенность.

Предусмотрительный Мавр решил испытать полезность Фабриса, предложив тому для начала поработать в госпиталии – лечебнице при монастыре, где находилось рабочее место травщика и трудились наиболее сведущие в медицинской науке монахи, а также их молодые помощники, набиравшиеся из числа послушников и добровольцев. В основном, местные эскулапы не стремились к углублённому освоению какой-либо частной области медицины, скорее занимаясь тем, чем придётся, и ведали о многом, но поверхностно.

В госпиталии время от времени лечились и сами монахи (в особенности – самые старые), но также туда приходили со своими проблемами обычные местные жители. Было немало и тех случаев, когда здесь оставляли пожилых и тяжелобольных горожан, которым был нужен постоянный и осо-

бый уход. Монахи не принимали плату за лечение, но, при этом, в массе были способны не столько по-настоящему лечить, сколько облегчать чью-то участь, обеспечивая человеку чистую постель, спокойный сон, еду и внимание.

Однако в отличие от лечения, которое могло быть оказано пришедшему за помощью на месте, содержание в госпиталии требовало особого разрешения настоятеля.

Коль скоро в госпиталии имелось не так много мест, чтобы, при всём желании, разместить всех желающих, монастырские лекари были вынуждены отсеивать пациентов по тяжести их болезней, отдавая большее предпочтение наиболее серьёзным случаям, при которых лишь их уход и искусство могли спасти человеку жизнь. Симулирующих дармоедов, желающих просто пожить на всём готовом, довольно скоро обнаруживали и, как следует проучив, изгоняли вшаей.

Время от времени травщик Иеремия или же сам Венсан Мавр могли взвалить на себя бремя по составлению особенно сложных рецептов, либо исцелению тех болезней, за которые не рискнули бы браться остальные. Но, к сожалению, ежедневные обязанности не позволяли им разорваться, занимаясь всем и сразу, в то время как ожидать их сноровки и знаний от прочих монахов, к сожалению, не приходилось.

Фабрис исполнял послушание с усердием, достойным самой высокой похвалы. Он не воротил нос от самой грязной работы, заботясь о вверенных ему больных, но в то же самое

время горел желанием продолжать учёбу, не останавливаясь на уже достигнутом, и полагал, что способен принести куда большую пользу лишь в том случае, если только ему доверят врачевать зубные недуги.

Отрекомендовав аббату подающего особые надежды послушника, Венсан добился того, чтобы юноша получил в своё распоряжение отдельную мастерскую, заверив, что сам станет первым из тех, кого допустят к лечению. И если его ученик не справится, виноват будет только он сам. Продолжая внимательным образом следить за кропотливой работой Фабриса, Мавр то и дело оказывал ему значительное содействие, помогая то советом, то предметом, то хлопотами – в той мере, в какой это позволяла занятость самого Венсана.

Естественно, весь груз основной работы ложился на плечи самого Фабриса, но, так или иначе, без этой поддержки – фактической и моральной – он не сумел бы справиться, продвинувшись сколь-либо дальше. В особенности, на первых порах.

Впрочем, расположение Мавра и настоятеля вызывало особую ревность в других монахах, не говоря уже о послушниках, поэтому на каждое благое дело, как это водилось на белом свете испокон веков, находилась и своя пакость.

Работа его, и без того отягощённая привычным отношением ко всем, чей труд был связан с зубными болями, усугублялась ещё и досужими рассказами как о нём самом, так

и о якобы практикуемых им методах. Будучи надуманными изначально, со временем эти байки имели тенденцию к до-полнительному преувеличению и искажению.

У монахов «случайно» не оказывалось вещей и материа-лов, о которых он любезно, но настойчиво их просил; братья всегда, или почти всегда, оказывались слишком занятыми, чтобы оказать ему ту или иную посильную услугу, о которой он заранее хлопотал; а от приставленных к нему помощни-ков выходило намного больше вреда, нежели пользы.

Нельзя, впрочем, сказать, что подобного поведения при-держивались поголовно все: кто-то действительно, время от времени, содействовал ему, благословляя от всей ду-ши его благие начинания, а кто-то считал нецелесообраз-ным портить отношения с человеком, от действий которого в дальнейшем могло зависеть состояние собственных зубов.

Вынужденный одновременно осваивать многочислен-ные аспекты различных наук и ремёсел, способных так или иначе подсобить в его нелёгком и благородном, пусть даже и неблагодарном, деле, Фабрис подходил ко всему со страте-гической осмотрительностью.

Естественно, не будь он в совершенстве обучен грамоте, было бы решительно невозможно не только вести собствен-ные исследования, но даже и обрести те знания, которыми до него обладали другие.

В то же самое время работа с трудами древних и инозем-ных врачей, как минимум, подразумевала изучение тех язы-

ков, которыми они пользовались в своих работах, коль скоро составленный перевод не всегда был способен передать точную суть оригинала. А в случае медицинской практики – любая неверно понятая фраза (допустим, при составлении рецепта) могла стать причиной весьма печальных последствий.

Эта часть обучения давалась Фабрису в особенности трудно, поскольку незаурядными талантами в освоении языков (как, впрочем, и в математике) он не обладал; но, действуя не гениальностью, так упорством, он всё-таки постигал науки в меру своих способностей.

Позднее познания в растениях и травах позволили монаху выпросить у травщика участок для выращивания необходимых в его работе ингредиентов, впоследствии, при помощи познаний в алхимии, уходивших на создание зубных эликсиров, пломбирующих смесей, лекарственных порошков, мазей и паст для лечения зубов и дёсен, а также особых дурманящих пилюль, призванных успокоить разум и ослабить зубные боли.

Хотя, конечно же, для изготовления всего вышеперечисленного требовались не только обычные растения и травы, иногда имевшиеся в избытке, но и прочие, подчас куда более редкие и сложные составляющие, часть которых если и не производилась в самом монастыре, то приобреталась у местных купцов. В особых случаях монаху приходилось седлать осла и отправляться на самостоятельные поиски необходимых компонентов.

Полученные эликсиры бережно хранились им в пузырьках, мази, пасты и смеси – в небольших горшочках, пилюли и порошки – в кожаных мешочках и шкатулках.

Помимо всего прочего, ему было проще самостоятельно изготовить необходимые инструменты, чем долгое время объяснять кузнецу и другим мастерам, чего же он, в конце концов, от них хочет. К таким инструментам и приспособлениям относились различные «сверлица», «пилочки», «ковырялочки», «прутики», «щипчики», «клещики», «молоточки» и прочие, весьма необычного вида, приборы, среди которых, к примеру, встречались небольшие и гладко отполированные медные зеркальца с ручками.

Для тех случаев, когда ему предстояла работа вне стен мастерской, он потрудился изготовить особые перстни, с приделанными к ним шипами, которые вынуждали пациента держать свой рот открытым, при этом не позволяя ему кусать врача за пальцы. Правда, к добру или к худу, использовать подобное изобретение ему приходилось крайне редко.

Место для проведения лечения было выбрано Фабрисом не случайно, но именно с учётом оптимального положения источника света в мастерской относительно положения пациента. В то же самое время брат Фабрис разработал специальное кресло, рассчитав наиболее оптимальное расположение больного относительно врача, при котором первый мог находиться в удобном для него положении, а второй – иметь полный доступ ко всем зубам. Сочетание двух этих факторов

позволяло ему лучше видеть рот и зубы больного, при этом не причиняя тому лишней боли и добиваясь лучших результатов при меньших затратах сил.

Кресло самым предусмотрительным образом включало в себя приспособления для удержания рук и ног пациента во избежание всевозможных брыканий, ударов и хватаний с его стороны, а также – приспособления для фиксации головы, во избежание её ненужных вращений, и специальный «размыкатель», препятствующий закрытию рта перепуганного пациента. Данный «размыкатель» обладал весьма богатым выбором вариантов фиксации перемычек, вынуждавших пациента, по мере особой необходимости, открывать рот шире.

Для особенно впечатлительных посетителей существовало и некое подобие шлема, с одной стороны оставлявшего эскулапу свободный доступ ко всем зубам и, вместе с тем, закрывавшего пациенту обзор на самого врача, его страшные инструменты и, собственно, комнату.

Вблизи рабочего кресла располагались столик и шкафчик со всем необходимым в тяжёлой работе зубного лекаря, а в довершение ко всему здесь же находились жаровня, на которой всегда можно было что-нибудь сварить или разогреть, ракушечник и жуткая педальная машина для зубного сверления, внешне напоминавшая ножную самопрялку.

Стоит ли говорить, что общий вид подобного помещения скорее уж напоминал несведущему человеку пыточные казе-

маты Святой Инквизиции, где для полного сходства не хватало лишь клеток и настенных креплений для пут, нежели рабочее место врача?

Мало того, что многие и без того испытывали суеверный страх даже от одной лишь мысли о зубном лечении, а тем, кто приходил в это место, становилось особенно жутко уже прямо с порога, какой-то шутник однажды оставил надпись на двери снаружи – «», что означало – «Здесь водятся драконы». *Hic sunt dracones*

Дурная шутка во многом лишалась смысла ещё и потому, что подавляющее число посетителей не относилось к грамотным людям и, следовательно, не умело читать – тем более на латыни. Однако сам факт её появления говорил о том, что это, вероятнее всего, является делом рук кого-нибудь из своих: грамотного облата или даже монаха.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.